

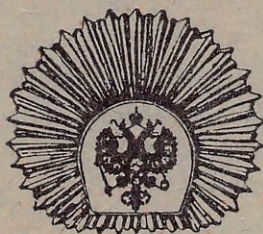
№ 13

АПРЕЛЬ 1955 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 4 - й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Почетный Председатель Обще-Кадетского Объединения
Его Императорское Высочество Великий Князь

Гавриил Константинович

скончался в г. Париже в 10 ч. утра 28 февраля и погребен
2 марта 1955 года на кладбище в Сент-Женевьев де Буа

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Портрет Вел. Кн. Гавриила Константиновича..	1
От Обще-Кадетского Объединения	2
Кадету — Н. Воробьев	2
От Редакции	3
Алексей Степанович Хомяков	4
Великокняжеская ложка — Христофор Ауэ, 3-й	5
Кадетские годы. (Продолжение) — Г. Месняев	6
Пугачевские дороги. (Окончание) — Евгений Яконовский	10
Боевые подвиги 57 пехотного Модлинского Ге- нерал-Адъютанта Корнилова полка — Генерал-майор Богаевский	12
Сибирские стрелки — подполковник Л. Сейфу- лин	14
Полковой праздник — Г. Танутров	16
Аргонавт — Н. М.	18
Оклеветанный император — Анатолий Марков..	19
Русская Военная Медалистика. (Продолжение) — Владимир фон-Рихтер	22
Хроника «Военной Были»	24
Скорбный листок	24
Ко всем Русским	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700
Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редак-
ции: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16^e).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж,
A. Guering.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16^e).

4-й год издания

№ 13 АПРЕЛЬ 1955 Г.

Prix — 170 fr.

**Его Императорское Высочество
Великий Князь Гавриил Константинович**
Почетный Председатель Обще-Кадетского Объединения

КАДЕТЫ,

28 февраля, сего года, в 10 часов утра, скончался наш Почетный Председатель Его Императорское Высочество Великий Князь Гавриил Константинович.

Угас последний сын нашего Отца Великого Князя Константина Константиновича наш родной, незабвенный, во истину любимый старший брат.

Доблестный офицер — кавалер Ордена Святого Георгия, и Георгиевского оружия, полковник славного лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, отзывчивый, добрый, верный друг и товарищ своим однополчанам и однокашникам, человек исключительно чистый и глубоко верующий, истинный и достойный сын своего отца, Он оставил нам свой нозыблемый завет, выраженный в Обращении Его к нашему Объединению от 29 мая 1954 года:

«Мы одинаково мыслим, одинаково чувствуем...»

«Во имя Кадетства, будем держаться друг друга...»

«Всегда вперед, всегда с Богом...»

До конца ваших дней, Российские кадеты, носите в душе это завещание Великого Князя Гавриила и храните вечную и нетленную память о нашем покойном Председателе.

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

КАДЕТУ

Здравствуй мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст исколесив дороги торной
По чужой не Русской мостовой.

Помню я тебя совсем мальчишкой —
Утра свежего кристальную росу,
Ты шагал в суконной шинелишке
И с пятном чернильным на носу.

Годы шли обычной чередой...

Ты мужал, и полный вешних сил,
Легкий пух над верхнюю губою,
Как гусарский ус, ты тербил.

Много было вас, в стране далекой,
Малышей с душой богатыря,
Вас в одно вязал девиз высокий:
“За Отечество, за Веру, за Царя”.

Стены корпуса — в Хабаровске ль, в Полтаве,
В Петербурге ли, в Тифлисе ль, на Дону,
Говорили вам о старой Русской славе
И о том, как чтить седую старину.

Как лелеять прадедов заветы,
Шелест ветхих боевых знамен,
Имя гордое “Российские Кадеты”
И с сургучным вензелем потон.

А потом, тебя встречал я в ночи черной,
Что страну покрывала пеленой...

Милый мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Первым рвался ты в неравный, смертный бой.

В небе заревном пылающей Каховки,
Помню твой дрожащий силуэт...
С настоящей, папиной, винтовкой
Ты шагал тогда, в тринадцать лет.

И, скрывая свой фальцет высокий,
Ты нарочно басом говорил.

Ты тогда боялся — ненароком,

Не послали б с фронта, к маме, в тыл...

В сапожищах ноги детские шагали
И дорожная на них ложилась пыль...
Перекоп, Ростов тебя видали,
Степи Сальской укрывал ковыль.

О семье, ты ведал по наслышке,
Или слабо помнил... До того ль?
И все в той же черной шинелишке
Ты шагал, тая печаль и боль...

Это ты, чьи слышали мы стоны,
Твой недетский леденящий крик,
Ты, кому кокарду и погоны
Вырезал в Ростове большевик.

Ты, кто белое святое дело
Твердо нес на худеньких плечах,
Чье замерзшее и скрюченное тело
Видел я в окопах и во рвах.

И сегодня, в вечер встречи нашей,
Мне тебя хотелось помянуть
Добрым словом и заздравной чашей,
Передать, что так теснило грудь.

И сказать — “мой мальчик беспокойный”,
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст пройди дорогой торной,
По чужой, не Русской мостовой.

Помню я тебя совсем мальчишкой,
Но, ведь, сколько лет-то с той поры...
На тебе нет черной шинелишки,
Серебром усыпаны вихры.

Лишь, как встарь, глаза горят задором,
И коль в эти загляну глаза —
На плечах мне чудятся погоны,
Молодые слышу голоса.

Снова в прошлое мне приоткрыта дверца,
Мы с тобой опять в краю родном,
И кадетское, как встарь, трепещет сердце
Под обычным штатским сюртуком.

Н. Воробьев

ОТ РЕДАКЦИИ

Всякому кто, хотя бы самым поверхностным образом, соприкасался с историей вооруженных сил Российской Империи, известно изречение Великого Петра об “обеих руках potentata”... При жизни его оно не оставалось теоретическим тезисом, а проводилось в жизнь и обе руки делали свое дело, выковывая боевую мощь молодой Империи, занявшей подобающее ей место среди европейских держав. Первыми своими успехами молодой Петровский флот, в очень большой степени, обязан армии (первая морская победа — взятие в 1703 году, в устьях Невы, двух шведских судов — всецело одержана, посаженными на шлюпки Преображенцами и Семеновцами, под водительством самого Петра; в Гангутском бою 27 июля 1714 года, они же, вместе с будущими Невским и Софийским полками, составляли подавляющее большинство активных бойцов).

Началось ли это с захирения флота, при ближайших преемниках Петра, или позже, трудно сказать, но факт тот, что, — чем дальше, тем больше, — обе руки становились все более чуждыми друг другу и, в конце концов, к ним оказалось применимым (в данном случае, вопреки всякому здравому смыслу) евангельское слово о том, что “шуя не должна ведать, что творит десная”... Так было “дома”, так осталось и в зарубежье.

Все же, в силу численного соотношения тех и других, и там, и тут получалось, что вторая рука — флот — был более осведомлен о первой, чем наоборот: у всякого моряка находились в армии родные, знакомые, бывшие однокашники по корпусам и т. д., тогда как, особенно до эмиграции, — наверное можно было найти сухопутных офицеров, за всю свою жизнь не встречавших ни одного моряка...

С целью восстановления старого содружества, редакция “*Военной Были*” решила вкратце обрисовать, что было сделано и продолжает делаться в эмиграции моряками, в области исследования исторического прошлого, собирания и сохранения исторических материалов, поддержания старых традиций, описания быта Российского Императорского флота и пр., и пр.

По мере оседания эмиграции в разных странах, в центрах большого скопления, стали образовываться, наряду с полковыми и иными объединениями армии, таковые же чинов флота — “кают-компании”, “морские собрания”, “союзы” и т. д., соединившиеся в *Всезарубежное Объединение Морских Организаций*, под действительным сначала, а ныне почетным, председательством старейшего Русского адмирала Александра Ивановича Русина. Часть из них ограничилась созданием связи и взаимной поддержки, но во многих местах эти объединения посвятили себя вышеупомянутым задачам, путем устройства лекций, содействия изданию трудов своих членов и т. п.

Так, в конце 20-х и начале 30-х гг. появился целый ряд периодических изданий: наиболее долговечное (15 лет) — “*Морской Журнал*”, издание каят-

компании в Праге, созданный его безвременно скончавшимся неутомимым редактором, лейтенантом Михаилом Сергеевичем Стахевичем, “*Зарубежный Морской Сборник*” (Пильзен — кап. 1 р. Подгорный), “*Вахтенный Журнал*” (кают-компании в Сан-Франциско), недолговечный, ставший уже библиографической редкостью, “*Визертский Морской Сборник*”, “*Записки Военно-Морского Исторического Кружка*” — Париж и еще несколько более мелких.

Военно-Морской Исторический Кружок, основанный по мысли бывшего старшего офицера лин. кор. “Императрица Мария”, кап. 1 р. А. В. Городынского, группой офицеров этого корабля, первым начал собирание архивных материалов и создание (в любезно предоставленном помещении Морского Собрания в Париже) маленького Морского Музея. По разным причинам, нехватка материальных средств, отъезд сотрудников в заокеанские страны и — главная причина — последствия потрясений, вызванных второй мировой войной, все эти начинания понемногу замирали, на-нося, почти непоправимый, вред делу... Так, например, М. С. Стахевичем, при вынужденном бегстве из Праги, помимо прекращения издания журнала, были брошены очень ценные архивы, собранные им за 15 с лишком лет его кипучей деятельности.

Флаг, не спущенный, а сбитый военной грозой, был снова поднят по ту сторону океана. Основанное в 1922 г., Общество бывших Русских морских офицеров в Америке, переименованное ныне в Общество офицеров Российского Императорского Флота в Америке, сформировало в своем составе — Историческую Комиссию, под председательством стар. лейтен. С. В. Гладкого, причем в ее основе было определенно указано, что она принимает на себя продолжение работы В. М. Исторического Кружка в Париже. С того же момента, 1943 год, началось издание “*Морских Записок*”, под редакцией того же С. В. Гладкого. На Общем Годовом Собрании Общества в 1948 г. было решено оставить в ведении С. В. Гладкого Историческую Комиссию и сильно разросшиеся архив, библиотеку и музей, а редактирование “*Морских Записок*” поручить барону Георгию Николаевичу Таубе, который и ведет журнал с тех пор, неутомимо борясь с многочисленными затруднениями и препятствиями, главным образом, конечно, материального характера. За свои ХП томов (1943-1954) “*Морские Записки*” дали немало интересного материала, из которого мы выхватываем: обстоятельные статьи (ныне покойного) Федотова-Уайта: “Русское военное судостроение в конце XVIII и начале XIX века” и “Английская эскадра у Риги в 1812 г.”; П. А. Варпека — “Русский север в первую мировую войну” и “Балтийские проливы в первую мировую войну”, А. Г. Тарсаидзе — “К 90-летию юбилею прихода Русских эскадр в Америку 1863-1953” и “Фрегат “Светлана” в Америке в 1871-1872 гг.”; несколько суховатые, но ценные для будущего историка материалы, как “Подробный отчет о

деятельности Сибирской Флотилии в 1921-1922 гг.”, контр-адм. Ю. К. Старка и много других.

Помимо всего этого, “*Морские Записки*” оказали уже неоценимую услугу не только каждому офицеру Императорского Флота, но и каждому верному сыну России, тем, что напечатали такой редкий документ, как “Десять лет на “Штандарте”, попавший к ним из архива В. М. Исторического Кружка. Неоднократный, печальный опыт показывает, как легко могут пропасть в условиях, полной всякими неожиданностями, эмигрантской жизни, подобные уники и ясно, насколько повышаются шансы их сохранения для будущего, при наличии сотен печатных экземпляров...

Наряду с “*Морскими Записками*”, выходят еще “Бюллетени” — 4 раза в год — дающие, помимо отчета о деятельности Общества, сообщения из разных центров морской эмиграции, продолжая, таким образом, организованную, в свое время, М. С. Стахевичем при “Морском Журнале”, “службу связи”.

Параллельно с этим, идет работа Исторической Комиссии, состоящей из 12 членов, занимавшихся раньше и продолжающих работать над историей флота. Из последних ее трудов, отметим: П. А. Варнека — “Потери Русского военного и торгового флота в первую мировую войну” — результат двадцатилетней упорной и кропотливой работы, им же была составлена, в сотрудничестве с М. С. Стахевичем: “Хроно-

логия военных действий Русского Флота во время войны 1914-18 гг. на морях и океанах”, Д. Д. Селезнева — “Российский Императорский Флот” (список паровых судов Военного Флота), потребовавший также многолетних терпеливых розысков и содержащий, например, такие трудно находимые и крайне редкие сведения, как *полный список всех первых пароходов* Морского Ведомства, начиная с 1815 г.

Оба эти труда опубликованы в журнале “The Belgian Shiplover”, издаваемом Обществом любителей и ревнителей морского дела”, Belgian Naval Research Association.

Председатель Исторической Комиссии С. В. Гладкий занят сейчас разработкой вопроса о приобретении дома, вне города, который должен будет, помимо убежища для престарелых моряков, дать *надежное* и достаточно вместительное помещение для хранения все разрастающихся — архива, библиотеки и музея.

Редакция надеется, что этот краткий и поэтому, конечно, не полный очерк встретит интерес среди читателей “*Воемтой Были*” и покажет, что Императорские моряки не отстают от своих сухопутных братьев по оружию, в работе по изучению славного прошлого вооруженных сил Российской Империи и сохранению для будущих поколений, спасенных из хаоса революции и гражданской войны, ценнейших исторических материалов.

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ

1-го мая 1954 года исполнилось 150 лет со дня рождения крупного русского философа и поэта Алексея Степановича Хомякова.

Восемнадцати лет от роду, будущий глава славянофильской школы вступил в военную службу, лейб-гвардии в Ковный полк и затем проделал всю кам-

панию 1828-29 года в штабе известного генерала князя Мадатова.

В ознаменование этого юбилея, редакция помещает одно из последних стихотворений поэта, написанное в 1854 году.

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССИИ”.

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой,
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты...

О, Русь моя... Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многдумной,
Идет на Божеский призыв, —

Так исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Пред миром встанешь ты высоко
В сияньи новом и святом.

Иди... Тебя зовут народы,
И, совершив свой бранный нир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай мысли мир.
Иди... Светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна — Ангел Бога
С огнесверкающим челом.

Алексей ХОМЯКОВ
(1854 год)

Великокняжеская ложка

Я кадет Первого Кадетского Корпуса, выпуска 1902 года. Последний год пребывания в корпусе, я был старшим певчим нашего церковного хора.

Однажды, осенью, хор был вызван в Мраморный Дворец, петь на крестинах Князя Георгия Константиновича, сына нашего Августейшего Главного Начальника. По окончании службы, нас провели в столовую, где был сервирован великолепный завтрак. Великий Князь обходил нас во время завтрака, разговаривал и, как всегда, осыпал нас шутками и своей безграничной лаской. Завтрак закончился мороженым, к которому были поданы серебряные, позолоченные ложки с Великокняжеской короной и вензелем покойного Отца Великого Князя, Генерал-Адмирала Константина Николаевича. Перед окончанием завтрака, по рядам пробежал “сигнал” — “сувенировать ложки”.

Однако, вернувшись в корпус, я, как и многие другие виновники этого “сувенирования”, переживали большую тревогу в наших детских душах.

И вот, через несколько дней, я был вызван в дежурную комнату, где, внезапно, увидел Великого Князя. Как часто Он это делал, со своей необыкновенной чуткостью и вниманием к нам, он вышел со мной на площадку чтобы наши офицеры не услышали разговора, протянул ко мне руку вверх ладонью и сказал:

— Ну?

Я мгновенно хотел броситься за ложкой но Он остановил меня и спросил:

— А если я потребую все 42, ты их все мне вернешь?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество, был мой ответ.

— Ну, так вот что, продолжал Великий Князь, — я, конечно, не сомневался, что это не было воровством, а лишь детским “сувенированием” и потому, уже заказал, на замену, все 42 ложки. Но, чтобы это было в последний раз. Иначе мне ваши завтраки будут обходиться слишком дорого, и я не смогу вас больше приглашать к себе.

От подобного исхода, нашей детской радости, конечно, не было конца.

Поехав на последние кадетские, летние каникулы, я свез эту дорогую реликвию в дом моих родителей, где она и хранилась на почетном месте, в кабинете моего отца, старого воина Русско-Турецкой войны, участника боев на Шипке. (Господь избавил его от тяжелых переживаний. Он скончался в сентябре 16 года). В 1929 году, мне удалось вывезти к себе мою мамушку и она привезла мне эту, высоко чтимую нами, память о дорогом прошлом.

Читая недавно “ВОЕННУЮ БЫЛЬ”, я узнал, что судьба сохранила сына покойного нашего Отца — Великого Князя и решил вернуть эту ложку, ее за-

конному хозяину, будучи уверен, что Великому Князю эта ложка будет еще дороже, так как она была сделана еще для Его Деда, в 1868 году, а мне это возвращение дает несказанное счастье подтвердить под конец моей жизни всю мою глубокую преданность и сердечную благодарность Человеку и Начальнику, ласками Которого я был осыпан во все время пребывания моего в корпусе, Павловском Училище, где мне посчастливилось быть знаменщиком, и в родном полку, лейб-гвардии 3-м Стрелковом Его Величества.

Покойный Великий Князь всегда приветствовал меня:

— Здорово Христофор!

Когда же Он встретил меня в Зимнем Дворце, вскоре после моего производства в офицеры, то, сначала, поздоровался громко, как всегда, а потом подошел ближе и тихонько сказал, как всегда приветливо, улыбаясь:

— А ты не сердись на меня что, я продолжаю называть тебя на ты? Ведь ты уже офицер?

На что, я, с чистым сердцем, ответил:

— Если Ваше Императорское Высочество желает осчастливить меня — я прошу не изменять старого здорованья.

С тех пор до конца, я был для Великого Князя — Христофор и ты.

Между прочим, еще один счастливый момент из моей кадетской жизни. Осенью 1901 года, во время урока ручного труда, в нашу столярную мастерскую вошел Великий Князь с двумя старшими сыновьями, Князьями Иоанном и Гаврилом. Вызвав кадета Тимофеева и меня, Он назначил Иоанна Константиновича к Тимофееву, а Гавриила Константиновича ко мне и приказал нам дать несколько уроков этого искусства Его сыновьям.

Никогда я не думал, что тогда заложил в себе начало ремесла, которое оказывает мне огромную помощь в постройках и перестройках, на моей куриной ферме в Австралии.

Навсегда мне памятна, ложка летит из далекой Австралии в Париж, к своему законному хозяину, вместе с этой историей, через нашего дорогого Председателя, моего однокашника Алексея Алексеевича Геринг. Низко кланяюсь ему за помощь. Особенно радуюсь, что прибытие этой реликвии, по моему расчету, совпадает с наступающими праздниками Рождества Христова.

“Дорого яичко ко Христову Дню”.

Ура — от старого кадета — Великому Князю Гавриилу Константиновичу. Да пошлет Ему Господь Бог здоровья и покоя на много, много лет, а нам много радости видеть Его в наших рядах на долгие годы.

Христофор Ауэ 3-й.

Кадетские годы

(1902 — 1909)

(Продолжение)

Выше описаны корпусные события, крупные, необыденные. Обыденная же жизнь текла своим чередом, по раз и навсегда установленному и незыблемому порядку, который изменялся только в зависимости от времен года, да с переходом из роты в роту. Этот порядок получал выражение в ежедневных приказах по корпусу, в постановлениях педагогического комитета, в расписаниях занятий, в классных журналах, в экзаменах и т. п.

Эта будничная жизнь, однотонная и неизменная, — таила в себе своеобразную, трудно выражаемую словами, теплоту и поэзию, которые имеются во всех проявлениях человеческой жизни, во всех формах бытия, зиждящегося на крепких традициях. Они обычно воспринимаются нами подсознательно, мы их не замечаем и начинаем ощущать только тогда, когда незаметное воздействие привычной среды прекращается, заменяясь новым. Не потому ли то, что в свое время казалось нам докучным, ненужным и даже тягостным, — делается позже столь привлекательным и дорогим, овеянным поэтической дымкой воспоминаний. Отойдя далеко от минувшего, от тех дней, когда для нас «были свежи все впечатления бытия», мы начинаем ощущать, что даже когда то столь неприятные пробуждения в глухие зимние утра — имели своеобразную привлекательность. В шесть часов утра, независимо от времени года, раздавалась дробь барабана или тоскливое пение горна. В зимнее время, за окнами еще чернела настоящая ночь, искрились звезды и светила луна. Тугой, неохотный рассвет наступал только после молитвы и утреннего чая, когда кончали утреннее повторение уроков. Еще до подъема, в пустынных, гулких, полуосвещенных коридорах постепенно начинали возникать звуки, свидетельствовавшие о приближении трудного момента пробуждения и неохотного возвращения к реальной жизни. Слышалось шарканье полотеров, истопники гремели дровами, служители настойчиво, с досадой, теряя терпение, будили дежурных и тех, кто с вечера записался на раннее вставание для зубрежки. Звепя шпорами, выходил из дежурной комнаты дежурный воспитатель.

В коридорчике, около умывалки, собирались у круглой топящейся печки курильщики и те, кто уже успел немного посидеть над толстенной книгой физики Краевича или алгеброй Киселева, сплываясь преодолеть безнадежно запущенные дебри науки. Однако, в данный момент, темы беседы очень далеки от того, что изложено в учебниках. Недавно возродились гусары и уланы. Доломаны, чакчиры, кивера и этишкеты заворожили кадетские умы и сейчас будущие корнеты обсуждают вопрос: подходят ли к черному доломану александрийских гусар красные чакчиры, или лучше было бы заменить их черными? Какой то тонкий знаток замечает, что такая перемена уже про-

изведена. Над беседующими, в табачном дыму, как бы незримо веют тени Николая Ростова, Васьки Денисова, «Двух гусаров». Как странно, что именно Толстой, — потрясатель основ, — сделал так много для поддержания гусарской романтики, чаровавшей не одно поколение Русской военной молодежи. Да не только гусарская, но и вообще военная романтика проникла в юные сердца через творения Толстого, властно воздействуя на наше воображение. Я помню, с какой необыкновенной жадностью, я не читал, а буквально глотал страницы «Войны и мира», лежа в густой траве нашего корпусного сада. Никакая другая книга, ни раньше, ни позже, не волновала меня с такой силой и не давала таких острых художественных наслаждений.

После молитвы и чая, шли утренние занятия при свете ламп. Эти занятия были последней соломинкой, за которую хватались те, кто легкомысленно отложил подготовку к урокам на завтра. У черной доски, уверенно чертя мелом, аккуратный, подтянутый — потенциальный гвардеец, Борис Шатилов — пытался толковать безнадежные очередные тайны тригонометрии, впрочем с очень малым успехом.

Перед началом уроков — прогулка в четверть часа, которая в зимние и ненастные дни происходила по тротуару перед корпусом. Напротив — занесенный снегом плац, оснеженные липы, и, в морозной дымке, силуэт городского собора. По улице, вдоль бокового фасада корпуса, которая идет к кладбищу, где похоронен генерал А. П. Ермолов, пробегают миниатюрные вагончики орловского трамвая, скрежеща на повороте и рассыпая фиолетовые искры от заиндевших проводов. Наявись от угла, где остановка трамвая — колониальная лавочка Мошкина, которую помнят буквально все орловские кадеты, повторяя ходовой анекдот о том что кем то было однажды послано письмо, с адресом: г. Орел, Кадетский корпус, на- супротив магазина Мошкина.

Начинаются уроки. Два часа подряд — математика. Элегантный, в прекрасно сшитом сюртуке петербургского покроя, входит гвардии штабс-капитан Н. А. Безак. Несмотря на то, что он начисто выбрит, щеки его отливают синевой млечного бронеита. Он корректен, непроницаем и неумолим. Вызывает он сразу по шесть человек, деля каждую доску пополам, так что за время урока вызываются почти все — следовательно спасения нет. По окончании урока, он, здесь же, в классе, под взглядами окруживших кафедру кадет, выставляет четким и красивым почерком, в изящной кожаной книжке, баллы, строго и справедливо. Несмотря на то, что он никогда не повышает голоса, никому в голову не приходит вступать с ним в пререкания по поводу выставленных отметок. Когда он возвращает листки с письменными работами, на

них тем же четким почерком, значатся отметки. Например I б., т. е. единица, если на листке, кроме фамилии и текста задачи, нет ничего, 11 б., когда работа представлена Черниковым, Шатиловым или Деппишем и т. д., но обязательно с прибавлением буквы "б".

Во время перемены, дежурные по классу открывают форточки, через которые в класс врываются морозные клубы. Между любителями свежего воздуха и любителями тепла идет борьба. Первые стремятся к тому, чтобы форточка не закрывалась, вторые стараются ее закрыть.

Безака сменяет батюшка Отец Миловидов. Он третий священник на нашей памяти. Первым был добродушнейший, престарелый Протоиерей Детский, на уроках которого всегда стоял настоящий бедлам. Его сменил Отец Митрофан Афонский, серьезный и степенный, постригшийся позже в монахи и сделавшийся епископом Влецким. Его почему то у нас не любили. В нем чувствовалась какая то неискренность, отсутствие тепла, что, как будто и подтвердилось в революционные дни, когда он проявил чрезмерную покладистость к советской власти.

Батюшка вызывает Мячкова. Последний высок, грузен, силен и столько же добродушен, сколько неспособен к наукам; прозвище его "слон". Уроков он никогда не знает, и ответы его всегда возбуждают самое веселое настроение в классе. На этот раз, он тщетно старается вспомнить текст из катехизиса: "тем же убо братие стойте и держитесь предания" и, наконец, выпаливает: "Апостол Павел сказал — стойте, братцы..." Общему веселию нет предела.

В другой раз, будучи вызван на уроке физики и спрошенный по поводу рычагов, Мячков, вспомнив, что на уроке Русского языка говорилось что то об эстетической точке зрения, начал так: "будем рассматривать рычаги с эстетической точки зрения..." Даже невозмутимый физик Павел Петрович Бельский, привыкший за свою долгую службу в корпусе к самым неожиданным ответам, не мог не улыбнуться.

— Садитесь, Мячков, — сказал он со вздохом, ставя в журнале, соответствующий ответу, балл.

Бывали дни, когда улыбалось счастье и случались, так называемые, "пустые уроки", т. е. не приходил кто-нибудь из преподавателей. Наиболее осведомленных из кадет, внимательно следивших, за приходом учителей в учительскую комнату, радостно объявляли: "Ферхова сегодня не будет". Эти же осведомленные вели собственный журнал вызовов, и с некоторой долей вероятности, могли предсказывать, кто будет вызван сегодня.

— Меньшиков, посмотри, вызовут меня сегодня по географии?

Меньшиков открывал свой журнал и, считая, что им в известной мере изучена система вызовов отдельных учителей, давал свое заключение. Надо отдать должное той пунктуальности и добросовестности, с которой Меньшиков вел свой журнал. Работы это требовало немалой и отнимало не мало времени, которое

можно было бы, пожалуй, затратить более продуктивно, хотя бы на приготовление уроков. Учительский каприз, нередко путал карты предсказателя и делал эти предсказания довольно сомнительными.

"Пустой" урок сулил немало удовольствий. Приходил воспитатель, либо читал что-нибудь вслух, либо вел нас на плац второй роты, на каток и ледяные горы. Подполковник М. П. Деппиш, наш второй воспитатель, сменивший Харкевича, переведенного вместе с Лобачевским в Москву, немного суховатый, но справедливый, пользовался скорее уважением, чем любовью, и умел держать нас в руках. В нашем отделении был его сын Саша Деппиш, прекрасно учившийся, хороший товарищ, пользовавшийся общим расположением, а потому не создававший для отца никаких затруднений. Деппиш особенно любил читать нам Лескова. Прекрасные рассказы последнего, особенно "Кадетский Монастырь", "Инженеры бессребреники" и другие, уводящие нас в кадетскую старину, производили на нас очень сильное впечатление. Деппиш, сам окончивший Николаевское Инженерное Училище, с особым удовольствием читал нам "Привидение в Инженерном замке", вспоминая молодые годы, и его глаза, под стеклами пенсне светились в такие минуты мягче и теплее.

Морозные, солнечные и сверкающие часы, которые проводили мы во время "пустых" уроков на катке и на горах — были полны необыкновенного очарования, насыщены бодростью и радостью жизни. "Мороз и солнце — день чудесный" — недаром воскликнул Пушкин.

Ледяные башни, воздвигнутые по углам расчищенного катка, с отваленными по сторонам валами сверкающего снега, — искрятся прозрачно-зеленоватым светом, пронизанные солнечными лучами. Все пространство громадного плаца, покрытое снегом, тоже сияет и искрится отдельными снежинками. Воздух крепкий, как драгоценное вино. Дышать им — истинное наслаждение. Вольным полетом, с почти балетной легкостью, в одних куртках, носятся конькобежцы по зеркальной поверхности катка на "собственных" коньках. Но еще большее удовольствие — срываться лежа, на санках, с высоты ледяной горы и мчаться по длинной зеленоватой ледяной дорожке до следующей, стоящей напротив, горки и подыматься по обледенелым ее ступеням, таща за собой санки, постукивающие железными полозьями. Иногда какой-нибудь бесстрашный и уверенный в себе конькобежец взбирается на площадку ледяной горы, несколько мгновений стоит на кромке, спускающейся вниз с большой высоты дорожки, и пулей летит вниз, искусно балансируя и сохраняя неустойчивое равновесие. Сердце замирает, особенно в первое мгновение отрыва его от площадки и странно, как бы он, не удержавшись, не ударился головой о поверхность льда. Такие эксперименты запрещались, но именно поэтому они и были так привлекательны.

Надышавшись живительным морозным воздухом, раскрасневшиеся, в мокрых от снега шинелях, пер-

чатках и сапогах — мы возвращаемся в роту, где нас ждут либо строевые занятия, либо гимнастика, либо танцы.

Хотя, мы теперь в первой “строевой” роте, надо признаться, что столь щекочащее наше тщеславие название роты имеет, в сущности, очень условное значение. “Строевого”, надо сказать, в нас мало. Правда, мы имеем трехлинейные винтовки, облегченного кавалерийского образца, нам присвоены шттики, с которыми мы ходим в отпуск и которые носят дежурные по роте. На строевых занятиях мы проделываем ружейные приемы, проделываем некоторые построения, ходим на парадах церемониальным маршем, обязаны знать — но не знаем — части винтовки. Ротой командует не воспитатель, как в других ротах, а фельдфебель, и дежурный по роте рапортует ротному командиру. Но у нас нет стрельбы, нет понятия о рассыпном строе, и, если не изменяет память, мы ни разу не производили ротного учения. Одним словом, мы “строевые” скорее декоративно, чем по существу. В унтер-офицеры производились не строевики и молодцы, а те, кто имел хорошие учебные отметки и хорошее поведение, и, часто, многие из них были “шляпами”, не могшими, например, перепрыгнуть через кобылу в гимнастическом зале или подтянуться на параллельных брусьях. Вследствие такой системы, знаменщиком нашего выпуска был, совсем не бравый кадет, и притом “либерал”, вышедший, по окончании корпуса, не в военное училище, а “на сторону”. Надо добавить, что и воспитатели наши, в своем подавляющем большинстве, не были энтузиастами строя. Корпусная служба быстро лишала их строевых черт. Одни бывшие “павлоны” и, среди них, капитан Постников — высокий и статный молодец, с зычным голосом, щеголявший красным темляком, полученным им за участие в подавлении боксерского восстания, — проявляли интерес к строю и его поддерживали среди кадет.

Да, и то сказать, как было не отстать от строя, например, подполковнику Бахтину, заведывавшему корпусным лазаретом, обязанности которого едва ли были очень сложными и сводились, главным образом, к наблюдению за внешним порядком в лазарете и к выдаче книг из лазаретной библиотеки выздоравливающим или симулирующим болезни кадетам. Позже это изменилось. Была введена стрельба, строевые занятия приняли серьезный характер, кадеты участвовали в парадах вместе с войсками и отбывали, хотя и короткий, лагерный сбор.

Корпусный лагерь был расположен в очень живописной местности на берегу Оки, в густой зелени берез и лип, но за все пребывание в корпусе, мы только один раз ходили туда военной прогулкой, да один раз нас сводил туда Харкевич. Впрочем, в лагере проводили лето кадеты, не уезжавшие на каникулы домой.

Однако, недостатки строевого дела несколько не понижали нашей кадетской гордости принадлежностью к военному сословию. И того немногого, что мы имели, было достаточно, чтобы чувствовать себя военны-

ми, стоящими на пороге настоящей военной службы, которая ожидала нас в возжеленных военных училищах. Как мы любовались юнкерами, которые время от времени появлялись в стенах корпуса, мысленно примеривая себе бархатные безкозырьки артиллеристов, этикетки елисаветградцев и португей-юнкерские тесаки павлонов и александровцев. Наша собственная форма, а особенно длинные брюки, уже не удовлетворяла нас, как в первые годы кадетства, когда черно-желтый погон и зеленый пояс (позже замененный кожаным лакированным), заставляли забывать все горести жизни.

— — — 0 — — —

В корпусе было свыше 400 кадет, — подростков и юношей в возрасте от десяти до семнадцати-восемнадцати, а иногда до девятнадцати и даже двадцати лет. Естественно, эта масса включала в себя людей самых разнообразных характеров, темпераментов, склонностей, разной моральной и духовной ценности. Это различие особенно ярко сказывалось в наиболее ранних возрастах, еще не перебродивших и не устоявшихся. Именно в эти первые годы пребывания в корпусе происходил тот естественный отбор, в результате которого постепенно отменялось все негодное, порочное, и, в конце концов, к последним годам корпусной жизни, отливала уже более однородная кадетская масса, с относительно одинаковым моральным уровнем. Как то совершенно незаметно и постепенно, из года в год, исчезали с нашего горизонта в корне испорченные, неспособные к жизни в общежитии и те неисправимые озорники, которых сейчас называли бы “хулиганами”. Таких бывало немало в первых трех классах. Помню такого, который, пробегаая мимо дежурной комнаты, забегал в нее и плевал в чай, приготовленный для воспитателя. Были и такие, которые таскали арбузы с воза, заезжавшего к нам на плац, хозяин которого, с разрешения воспитателя, продавал нам арбузы. Такие явно порочные мальчики не долго удерживались в корпусе и либо отправлялись домой, либо в Вольскую школу. Страдали иногда и те, которые не были внутренне испорченными и неисправимыми, но в силу своего темперамента, неукротимой предприимчивости и избытка энергии, проявляли себя бурно, с налетом отчаянности. Шаловливость их бывала не злобная, но делающая их мало пригодными для общежития. Можно понять начальство, несшее громадную ответственность за здоровье и жизнь вверенных им питомцев, когда оно старалось отделаться от кадеты, который, на высоте четвертого этажа, по узкому карнизу, переходил от окна к окну, держась буквально на честном слове.

Имеется убеждение, будто в закрытых учебных заведениях, и, в частности, в корпусах, царил моральная распущенность и процветали всякие “тайные” пороки. Это, во всяком случае, в отношении нашего корпуса — совершенно неверно. Естественно, среди такого множества подростков и юношей, какое жило в корпусе, не могло не быть “тайных” и других пороков. Но, они не только не царили и не имели

мало мальски широкого распространения, но были, поистине, "тайными", тщательно скрываемыми в своей постыдности, которую чувствовали сами их посетители, сознававшие, что кроме самого осуждения и осмеяния они ничего другого не могут встретить у товарищей. В нашем отделении, когда мы были уже в одном из старших классов, один из наших товарищей был изобличен в гомосексуальных действиях. Это вызвало громатное возмущение и чувство омерзения со стороны его одноклассников. Мы не могли довести до сведения начальства об этом факте, ибо это противоречило бы главным основам кадетской этики, а потому мы решили принять свои собственные меры воздействия в отношении виновного. Было постановлено подвергнуть его совершеннейшему бойкоту. Никто не должен был с ним разговаривать, с ним общаться и даже сидеть рядом на одной парте. Однако, такой бойкот — и особенно нежелание всех быть его соседом по парте — не могли ускользнуть от внимания воспитателя. Поэтому, объявив осужденному наш, кстати сказать, чрезвычайно тяжелый приговор, мы предложили ему придумать причину, которая бы объясняла в глазах воспитателя объявленный ему бойкот.

— Скажите, что я украл пожичек, — предложил он.

Бойкот этот длился очень долго и проводился последовательно и неуклонно. Под влиянием времени, он, конечно, ослабел, но все же до самого выпуска, т. е. в течение двух-трех лет, подвергшийся ostracismу, сидел на парте в одиночестве. Этот случай ярко характеризует то отношение, которое имели кадеты ко всему, что носило печать извращенности.

Это совсем не значит, что мы были как то особенно целомудренны, были лишены естественного полового любопытства, вполне понятного в нашем возрасте. Может быть, это стремление в заповедную область начиналось немного рано, но, кажется мне, что мы не являлись в этом отношении исключениями из общей школьной массы всего мира.

Хотя многие из нас сквернословили, хотя нами распевались порой очень грубые казарменные песни, читались книжки барковского стиля, — по все это было скорее проявление некоего молодечества, нежели признаками нашей испорченности. В своей массе кадеты были не только нравственно здоровыми, но и в глубинах их душ, если отбросить показную грубость и парочитый цинизм, они были, может быть, более романтически настроенными, чем молодежь других учебных заведений. В отношении же своих дам из орловских женских гимназий и института, ими проявлялась совершенно рыцарская почтительность. Здесь была особая, интимная область, резко ограниченная от той, которая характеризовалась салными анекдотами, неприличными куплетами и непристойными открытками, продававшимися в табачном магазине, в который по воскресеньям сходились все курильщики.

Между прочим, почему то отношение к преступлениям против нравственности, конечно, лишь в отношении кадет старших классов, было довольно снисхо-

дительным: в случаях, когда обнаруживались наглядно последствия таких преступлений, в приказе по корпусу можно было прочесть: "за безнравственное поведение в отпуску сбавляется балл за поведение кадету седьмого класса, такого то отделения имя-рек".

Думаю, что и в отношении преступлений по алкогольной части, кадеты, не пользовавшиеся такой свободой, как другие учащиеся, были значительно благополучнее последних. За все время пребывания в корпусе, я не помню случаев исключения кого-либо за явку в корпус в нетрезвом виде. Только один раз у нас был случай выпивания в стенах корпуса. Произизошло это накануне нашего корпусного бала, когда наша спальня, предназначенная для танцев, была перенесена в зал второй роты, и, вообще, в предбанальной суеде, чувствовалось известное ослабление порядка. Кроме того, в изъятие из обычных правил, мы имели право отдыхать после обеда, перед балом. Этой ситуацией воспользовалась группа кадет во главе с Симоном Мищенко, сыном одного из ротных командиров, в отличие от других воспитательских детей, известного довольно сомнительным поведением и склонностью к предосудительным развлечениям. Он принес из дома бутылку или две каких то напитков, которые и были благополучно распиты. Однако, то ли кутили забыли пустые бутылки под кроватью, то ли в поведении Мищенко кому то из воспитателей показалось что то подозрительное, но он сделался объектом надлежащего расследования, будучи посажен под арест. Однако, он оказался тверд, начисто отрицал предъявляемые ему обвинения, и хотя был выпущен из под ареста, за недостатком улик, но долго оставался у начальства на подозрении.

Чисто мальчишеское пьянство происходило иногда во время поездок на каникулы в том отдельном вагоне, который выделялся для кадет в день массового разъезда на каникулы. В ближайших от вокзала лавчонках покупались очень невысокого качества напитки, всякие "спотыкачи", "зубровки" и прочее, которые распивались под немудреную закуску. Из чувства молодечества, нежелания отставать от товарищей и прослыть "тихоней", приходилось, давясь, пить всякую гадость, курить и изображать из себя лихого кутилу. Последствия наступали быстро. Принужденный выйти, для соответственного освежения, на площадку вагона, я однажды лишился фуражки, которую сорвал порыв свежего весеннего ветра. Было чрезвычайно конфузно идти по Курскому вокзалу без фуражки, что в те времена являлось совершенно необычайным и даже диким.

Что касается курильщиков, то они появились у нас чуть ли не с первого класса. Доля таких пионеров курения была не из легких. Им приходилось проявлять бездну изобретательности, чтобы находить безопасные места для хранения табака и для удовлетворения своей преступной страсти. Курили в форточку, и в печку, и просто пуская дым по стенке. Главная трагедия курильщиков заключалась в том, что воспитатели, пройдя, в свое время, такую же школу,

прекрасно знали все уловки, применяемые в этих случаях. Однако, развитие техники способствовало тому, что в курительном деле появилось нечто новое, неизвестное воспитателям, которые проходили свой кадетский корпус в архаические времена. Помогли фотографические аппараты в форме квадратных ящичков, которые и явились хранилищем табака Месаксудни или Стамболи. При попытке воспитателя открыть такой аппарат, любитель фотографии встревоженно восклицал:

— Осторожно, господин капитан, аппарат заряжен...

По мере нашего выростания, нажим на курильщиков слабел. Уже во второй роте, подымающиеся

сильные струйки дыма, — где то из за куста или из за угла забора, — не заставляли дежурного воспитателя бросаться на поимку виновного. На курение уже смотрелось сквозь пальцы. С переходом же в первую роту, оно, вместе с разрешением носить прическу, допускалось официально. Был отведен шкаф, где стояли шкатулки курильщиков с их курительными принадлежностями. Уже без всякого опасения можно было шелкать поргсигарами, зажигалками и щеголять мудштуками, но, конечно, только в показанном месте.

Г. Месняев

(Продолжение следует).

Пугачевские дороги

(Окончание).

До Уральска три дня езды. Те же казацкие избы, те же суровые и молчаливые старики, колеблющиеся между казацким нейтралитетом и желанием навести порядок. Встречаются верховые фронтовики. Все они без погон. В избах они спорят:

— Ленин войну кончил. Чего мы против него пойдем? Это офицеры за войну.

Старики за офицеров. Во всяком случае, за своих, казацких. Фронтовики стоят на своем.

— Вот Оренбурцы пошли за офицерами, и большевики теперь в Оренбурге, а атаман по степи шатается.

Это камень в наш огород.

Вот он, Уральск. Я представлял его почему-то совсем другим. Может быть, из-за его старинного названия: Яицкий Городок. Мне казалось, что он должен был быть обнесен частоколом, весь в узеньких уллицах, с бревенчатыми домами. Это обыкновенный провинциальный Русский город с широкими уллицами, хорошими каменными домами на главной уллице, с электрическими фонарями, казенными зданиями николаевского стиля.

О нашем прибытии уже знают. На постоялом дворе, куда один за другим приходят наши сани, уже несколько хорошо одетых дам.

— Мне, одного, пожалуйста...

Хрусталеv обращается ко мне:

— Вот, иди ты.

Почему я первый? Должно быть, потому, что самый молодой? Ужасно обидно, но делать нечего, да и дама такая милая и чуть не плачет. Так, почти сразу после нашего приезда в Уральск, я попадаю в семью Войскового Старшины Уральского Войска Фокина. Его младший сын — кадет Вольского корпуса. Это уже совсем хорошо, тем более, что Николай Фокин даже моего возраста. Об этих суровых "волжанах" у нас в корпусах ходят самые невероятные легенды. Еще совсем недавно у них пороли по субботам (кажется, до

1907 года, т. е. до полного уничтожения телесных наказаний в Российской армии). Но в других корпусах говорят, что их пороли до самой революции, что, конечно, сплошной вздор. Но вот на станции Пенза, перед приходом Балашовского поезда с вагоном Вольцев, запирался буфет. Это мы, Неплюевцы, знаем, так как наш поезд со стороны Самары приходил на полчаса раньше. Впрочем, возможно, что буфет закрывался по какой-нибудь другой причине, но все мы, с чуть преступным восхищением, связывали закрытие буфета с отчаянной и лихой репутацией Вольцев.

У Войскового Старшины тепло, уютно, хотя немного тесно. Старший сын, подьесаул, ходит дома в кители при погонах, но выходит в шинели, без погон. Атаманский приказ о снятии погон, к несчастью, не выдумка илецкого начальства.

Подьесаул, чуть-чуть снобствующий петербургским выговором, он из "Гвардейской Школы", жалуется на казаков, по его словам совершенно разложенных большевицкой пропагандой немедленного мира. Погонь они снимали еще на фронтъ и, во многих полках, заставили их снять и своих офицеров.

— Атаман просто узаконил фактически создавшее положение... а вот ему носить можно, — подьесаул кивает головой в сторону брата, — так как Вольск не на казацкой земле, ну, а не-казацкие погонь дѣло не наше, а "машковское", — передразнивает он уральский выговор.

Младший Фокин очень завидует эпопее неплюевцев.

— Нам просто распустили на Рождество, как всегда, — разочарованно объясняет он наличие полного кадетского гардероба.

Кстати, он мне очень пригодился, и в первый же мой уральский вечер мы на катке, и я в желтых вольских погонах, хотя на моей фуражке синий оренбургский кант. Даже вместо дырявых валенок на мне

снова кадетские козловые сапожки. Только, к несчастью, на моей паре нет привинченных металлических пластинок для коньков.

А так хочется побегать на "Нурмисе" по гладким ледяным дорожкам под вальс "На сопках Манчжурии", который играет казачий оркестр, как играл он еще в прошлом году и пятьдесят лет назад и как никогда больше играть не будет. Но нам не дано еще того знать. Только музыканты уже без погон.

— Хочешь покататься? — запыхавшийся, раздумывавшийся Колька Фокин тянет меня в раздевалку, и мы мчимся сапогами.

Боже, как хорошо! Вот теперь играют "Дунайские волны". Нужно показать уральцам, как у нас бьют в Оренбурге. Жду начала новой музыкальной фразы и в такт, медленно, на одном коньке выезжаю на дорожку. Руки за спину. Не сбиваясь с ритма оркестра. Все быстрее и быстрее. Маленький кадет Неплюевского корпуса, в последний раз в жизни, катается на Русском катке. Пощипывает щеки мороз, поет в ушах знакомый вальс, шипят, заливая мягким зеленоватым светом блестящий лед, керосино-калильные фонари.

Колька Фокин достает даже водку, и мы важно пьем ее, в перерыве, за буфетом.

Идут, одни за другими, мои уральские дни. Большинство наших осталось вместе. Живут в казачьих казармах, на казачьем пайке. Что же дальше делать? К Корнилову. Но на станции Урбах красногвардейские заставы. Говорят, что ловят оренбургских "белогвардейцев". Едва ли сможем проехать полной группой с Хрусталевым и Миллером. Кто-то должен начать.

— Поезжай ты первый, ты самый маленький.

Обижаюсь ужасно, — причем тут возраст? Первым поедет самый смелый. Хрусталева вмешивается. Первым поедет тот, кого мы выберем, и из Саратова пошлет телеграмму.

О Корнилове слухи самые разнообразные. Говорят, что он идет на Лиски. Как бы не опоздать?

Иногда очень хочется домой. Старюсь отговятив эту сладкую мысль, позорную для ветерана Каргальского боя.

Идем как-то с Фокиным в местный военный госпиталь, где лежит его двоюродный брат, уральский хорунжий. Одеты оба в вольскую форму. Я в шинели с желтыми погонами и в оренбургской фуражке; он в бекеше, на которую надел погоны Вольского корпуса, и в своей фуражке с желтым кантом. Проходим мрачными больничными коридорами, по которым гуляют бесшумными тенями худые люди в синих халатах.

— Товарищи... Снимай погоны... — перед нами больной, по виду, солдат. На чахоточном лице туго натянулась желтая кожа. Лихорадочные глаза.

---Снимай погоны... Такой закон вышел... Теперь, товарищи, свобода. — Чахоточный солдат старается быть вежливым.

— Теперь все равны, товарищи.

Проходим мимо, стараясь не обращать внимания, и он долго, взволнованным голосом, кричит нам вслед:

--- Снимай погоны, теперь такой закон...

Позже были годы суровой солдатской жизни, лицом к лицу со смертью, были ужасы эвакуации, радость побед и горечь отступлений, но ничто и никто не оставил такого следа в душе маленького Русского кадета, как этот чахоточный солдат в Уральском военном госпитале. Солдат и последний зимний каток. В первый раз я почувствовал и осознал в этот момент, что произошло что-то непоправимое, что порвалась какая-то внутренняя нить, связывавшая судьбы моего народа, что через две недели меня не вызовут в корпус...

— Закон такой вышел, — и чахоточный солдат, имя которому легион, не хочет больше, чтобы я носил синие погоны с желтым кантом и с буквами О. Н.

— Едем к Корнилову! — решают окончательно в казачьей казарме.

— Сидеть здесь нечего. Чего доброго, большевики без боя будут в Уральске.

Из нашей роты осталось человек тридцать, так как оренбурцы или вернулись домой из Илека, или будут выжидать в Уральске возможности вернуться. В казачьей казарме "иногородние". Пассажиры кадетского вагона "Оренбург-Тула". Острим по поводу изменения маршрута и медленности путешествия.

--- Кто разведчиком?

Выбирают меня. Самого "маленького"... Хотя Хрусталева пытается подсластить, — я и умный, и расторопный, и хладнокровный, и ловкий и даже будущий фельдфебель девяносто второго выпуска.

Несколько дней проходит в лихорадочных приготовлениях. Одевают меня, везут на меня гимназическую шинель и еле держащуюся на голове фуражку. Ужасно неприятно чувствовать себя "шпаком". Достают даже гимназический билет. Но... будущий фельдфебель девяносто второго выпуска, когда неделю спустя его поймут без билета в поезде, около Лисок... не будет даже знать своей новой фамилии. Но это потом. А теперь меня приглашают завтракать к местному купцу-раскольнику, который должен финансировать мое путешествие к Корнилову.

В богатом купеческом доме страшная смесь замоскворечья и "Столицы и Усадьбы". Завтракаем в обшитою дубом столовой стиля нормандского "рюстик", целый угол которого занят иконами в роскошных ризах. Разговор как-то не клеится, да, кажется, хозяйские дочки вообще не имеют права говорить за столом, хотя они гимназистки старших классов. Получаю двадцать пять рублей. Целый капитал для кадета пятого класса, но, как я очень скоро убежусь, сумма явно недостаточная для моего предприятия. Гордо обещаю выслать телеграфом при первой возможности, недели через две, самое большее — три.

Солнечным, морозным утром, на извозчикях санях, меня везут на вокзал.

— Так не забудь: телеграмму из Саратова и, если можно, из Лисок.

Уславливаемся об условных выражениях. Прощай, Уральск, маленький Русский город, наивные жители

которого думают ценою снятия пегон сохранить право играть на билиарде. Прощай навсегда, Оренбург, и трехэтажное светлое здание корпуса перед генерал-губернаторским садом, на сѣром высоком заборѣ которого рекламируется огромными буквами жигулевское пиво. Прощай, зимний каток и прощай, старая Россия, которой не хочет чахоточный солдат и которую три долгих года будет защищать маленький кадетик.

К Корнилову я не понал. Телеграммы не выслал — в Саратове требовали на почте какой-то мандат (еще незнакомое тогда слово). Около Лисок какой-то, военного вида, тип с револьвером придрался ко мне из-за билета (его у меня не было) и я не знал своей “шпацкой” фамилии. Спасли меня неполные пятнадцать лет и деревенские бабы, наполнявшие вагон.

— Оставь мальчонка, — кричали они, — и так от вас жизни нет.

Через неделю, голодный, оборванный, в рваных промоченных валенках, я позвонил под вечер в парадную дверь нашего белгородского дома. Новая горничная, меня не знавшая (да кто мог узнать меня в этом худом и грязном оборванце?), торопливо закрыла дверь.

Помню, что начал бросать камни в наглухо закрытые ставни, до которых не мог достать. Из-за ставень струился спокойный домашний свет. Там, в столовой, наверное пили чай. Хотелось света, мамы, горячего чая.

И суровый каргаллинский солдат, неудачливый соратник Корнилова, зарылся на груди отца, который с браунингом в руке осторожно открыл дверь. И только выдержка старого офицера остановила его палец на курке револьвера, когда вдруг серая безформенная тень бросилась из темноты на его грудь.

Евгений Яковлевский.

Боевые подвиги 57 пехотного Модлинского Генерал-Адъютанта Корнилова полка

57 пехотный Модлинский полк сформирован в царствование Императора Николая Павловича, в 1831 году и полковой его праздник установлен в день Св. Великомученика Георгия, 23 апреля.

В 1854—55 гг. полк участвовал в Крымской кампании, занимая Малахов Курган и бастионы на месте будущего Исторического бульвара. Героическая оборона башни Малахова Кургана и стяжала первую боевую славу полку. К концу осады, гарнизон башни состоял из 40 рядовых при 4-х офицерах, под командой поручика Данильченко. Защитники башни, в течение нескольких дней, выдерживали ожесточенные атаки двух французских дивизий. Когда все защитники были переранены и израсходованы последние патроны, гарнизон был вынужден сдаться. За неимением белого флага, одному из солдат, пришлось снять свою сорочку и вывесить этот импровизированный флаг, на конце палки, через одну из амбразур. Когда командующему французским атакующим отрядом было доложено, при каких условиях, малочисленный гарнизон башни положил оружие, он немедленно приказал доставить носилки для выноса ее героических защитников, построил обе дивизии и, при выносе раненых Русских героев, командовал войскам “на караул” и все раненные были пронесены вдоль фронта. Затем, при посредстве нейтрального представителя Швейцарии, телеграфировал Государю Императору о героической защите башни, прося Его Величество непременно наградить всех ее защитников.

Все офицеры были награждены орденом Св. Георгия 4-й ст., а солдаты Знаком Отличия Военного Ордена. Все защитники, как офицеры, так и солдаты, были награждены земельными участками. Фамилии офицеров, с описанием их подвига, были занесены на мраморную доску, в помещении Офицерского Соборания полка.

Этот, единственный пример в истории Русской

армии — награждения офицеров и нижних чинов, по представлению неприятельского Командующего, думаю, мало кому известен из находящихся в эмиграции Русских офицеров.

За оборону Севастополя полк получил: Георгиевское знамя, надпись на шапки, Георгиевские рожки и трубы, а в 1910 году, в ознаменование совместной героической обороны Севастополя, модлинцами и моряками, Государю Императору угодно было назначить Генерал - Адъютанта Адмирала Корнилова Шефом полка.

Второй боевой подвиг в истории полка, во время Русско-Японской войны, заключался в следующем.

1-ая Манджурская армия генерала барона Каульбарса, составлявшая правый участок всего боевого расположения Русских армий, в силу полученного приказа, в конце февраля 1905 года, покидала Мукденские позиции, отступая далее на север. Приказ этот вызвал понятное недоумение и большую торечь среди войск, так как наша армия не потерпела поражения и сохраняла полную боеспособность. Однако, приказ Главного командующего был выполнен в порядке. Под обстрелом и разрывами вражеских шимоз, закаленные в боях офицеры и солдаты покидали свои позиции и строились в колонны.

57 пехотный Модлинский полк, входя в состав 8 армейского корпуса, двигался в голове походной колонны своей дивизии. 25 февраля, подходя к деревне Возне, полк втянулся в очень глубокую и длинную ложину, прикрывавшую его от взоров противника, при выходе же из нее, полк неожиданно подвергся жестокому пулеметному огню из железнодорожной будки и из за насыпи. Передние ряды, неся большие потери, отхлынули назад, в ложину и смешались с подходившими другими частями колонны, внося расстройство в их ряды. В обозах началась паника и потребовалось энергичное вмешательство офицеров, чтобы

привести в порядок заколебавшиеся ряды модлинцев. У нас создалось впечатление, что полк окружен японцами, так как обстрел производился с разных участков и по другую сторону долины. Командующий головным батальоном, капитан Иванов, стал собирать расстроенные роты своего батальона. Раздались крики: "Модлинцы к Командиру батальона". К обступившим его солдатам, капитан Иванов обратился с горячим призывом не посрамить честь полка, носителя сего Георгиевского знамени, заслуженного доблестью полка еще под Севастополем.

— Пусть передние лягут за честь России и за Ее Государя, но следующие за ними должны вынести свое полковое знамя. Модлинцы, не посрамят Земли Русской. С Богом, братцы! Пойдем в атаку и опрокинем врага!

В ответ на слова командующего батальоном, раздалось дружное "ура" и люди стали быстро строиться для атаки. В этот момент подымается, над головами других солдат деревянный крест. Его держит в руке высокий стройный ефрейтор 5-й роты, Иван Малеев. Он проталкивается к капитану Иванову, с криком "Ваше Высокоблагородие...", стараясь перекричать восторженный гул толпы, уже начинающей принимать порядок и вот уже отчетливо слышны его дальнейшие слова:

— Ваше Высокоблагородие, вот мое родительское благословение, с которым я не расставался, возьмите этот Крест и благословите им нас на подвиг спасения полкового знамени. Господь не оставит нас и поможет одолеть врага.

Капитан Иванов, с благоговением принял протянутый ему простой крест и, осеняя им обступивших его модлинцев, громко крикнул:

— Вперед, за Веру, Царя и Отечество — в атаку!

Командир 8-й роты, капитан Лебедев, командует:

— Восьмая рота, к знамени! — и, обнажив шашку, становится впереди роты, окружившей знаменщика.

С криком "ура", роты батальона стремительно бросаются из предательской долины к полотну железной дороги, за которым находятся японские цепи, открывшие губительный огонь по идущим в атаку модлинцам. Задние, опережая передних, перепрыгивая через убитых и раненых, в стремительном порыве, без единого выстрела, с ружьями на перевес, роты с криком "ура" неслись на вражеские цепи. Не выдержав героического порыва модлинцев, японцы прекращают огонь и сдаются. Путь остальным частям колонны очищен и впереди развевается знамя Модлинского полка.

В воздаяние этого подвига, ефрейтор Иван Малеев производится в унтер-офицеры, и, вслед за этим, при увольнении в запас, в подпрапорщики и награждается Знаками Отличия Военного Ордена 3-й и 4-й степеней. Капитан Иванов награжден Орденом Св. Георгия 4-й степ., а Капитан Лебедев — Св. Владимира с мечами и бантом.

Через три года после описанного прорыва, 25-го февраля 1908 года, весь полк, в парадной форме, построен "покоем" на казарменном дворе, в г. Одессе. Раздается команда "под знамя, слушай на караул" и, под звуки полкового марша из полковой церкви знаменщики выносят все четыре знамени полка. Взоры всех устремлены на эти боевые святыни и на идущего во главе подпрапорщика Ивана Малеева, в своей домашней поддевке с двумя Георгиевскими крестами и в барашковой шапке. Он выписан на этот знаменательный парад, из своей деревни, вместе со своими родителями. Старушка мать Малеева всхлипывает на груди мужа, платком утирая слезы умиления, сам старик тоже не выдерживает этого напряженного момента и то и дело смахивает, набегающие на глаза, слезы.

Минута, по истине, торжественная. Перед строем полка проносят старые боевые знамена. Они поставлены у приготовленного аналоя. Командир полка, полковник Сулякевич (впоследствии расстрелянный коммунистами, в должности Крымского премьер-министра) здоровается с ротами и поздравляет с праздником. Затем он подает команду "на молитву, шапки долой" и под звуки "Коль Славе", исполняемого полковым оркестром, предшествуемое хором певчих, выходит духовенство всей дивизии. Впереди идет полковой священник отец Смирягин, с большим золотым Крестом в руках. Все мы знаем, что в него вделан тот деревянный, благословение родителей Малеева.

По окончании Церковного парада, за столом пятой роты чествуют Малеева и его родителей, а затем все присутствующие гости приглашаются в офицерское собрание, где чествование семьи Малеевых принимает особенно сердечный характер. В заключение торжества, на сцене собрания, со всеми возможными световыми и звуковыми эффектами, показывается живая картина "Модлинцы — последние защитники башни Малахова Кургана", воспроизведенная по картине кисти художника баталиста Кондратенко, приобретенной командиром полка на выставке, для офицерского собрания полка.

Умерший, вскоре после этого праздника, герой описанного прорыва, капитан Иванов, завещал, чтобы его Георгиевский крест был подвешен к древку Георгиевского знамени полка, под крестом, вделанным в копье знамени за оборону Малахова Кургана. Желание его было исполнено, два подвига полка связаны в одно и наше знамя являлось носителем двух Георгиевских крестов.

Генерал-Майор *Богаевский*

Справка: В Европейскую войну полком командовали полковники Березовский, Бочковский и Богаевский. Все трое, доблестью полка, заслужили Орден Святого Георгия и Георгиевское Оружие.

Сибирские стрелки

*Живым и нашим героям.
1914—1954 г.*

То не буря шумит над Байкалом седым,
Не гудит ураган над суровой тайгой,
То Ермак шлет указ славным детям своим,
Чтоб прославить Сибирь — мать родную свою.

Серой лентой ползут, словно змеи, полки...
Сам Ермак впереди переходит Урал,
Где идет сибиряк — там победа гремит,
Кто не видел его? Кто о нем не слышал?

Богатырь сибиряк, сын привольной тайги,
Кто не видел его? Кто о нем не слышал?
О могучую грудь разбивались полки,
И, где надо, без слов сибиряк умирал.

И в палату Вождя весть за вестью летит:
Вырывается Русь из немецких оков.
Где идет сибиряк, там победа гремит
И прославит Россия Сибирских стрелков...

СИБИРСКИЕ СТРЕЛКИ проходят по улицам Варшавы, направляясь в окопы. Их путь был долог и утомителен. Они шли с востока, загадочного, непонимаемого. Из-за Уральских отрогов, из лесных дебрей Забайкалья, с верховьев Амура, — еще дальше, из глубины Азии, с рубежа Манчжурских степей, от самых крайних пределов России, раскинувшейся на две страны света, — каждый день отходили красные поезда, бесконечно-длинные, медленные, как пульсация крови в жилах организма.

Темными осенними ночами, шли они в безмолвии, без свистков, почти без огней. Долгие часы ожидания отсчитывали секунды монотонным стуком колес, их сменяли остановки у безлюдных полутемных платформ, затерявшихся в необъятном лесном просторе, разделенных перегонами в десятки верст. Потом опять шли вперед и, залитые электрическим светом поездов-молний, сверкающие и роскошные, как Европа, символом которой они были, сворачивали почтительно на запасные пути, чтобы дать дорогу С И Б И Р С К И М С Т Р Е Л К А М идущим умирать за РОССИЮ. Другие люди, не похожие на оставшихся дома, чуждые точно братья, которые выросли в разлуке и впервые видят друг друга, провожают СТРЕЛКОВ восторженным "ура" и СТРЕЛКИ отвечают им звуками ПЕСНИ, которую несут на поле битвы, вместе со знаменами и штыками.

Странная и жуткая ПЕСНЯ. Никто не знает, где родилась она. У нее нет отца, нет Родины, она свободна, как туча. Берега океана слышали ее: в ней звучат голоса бури, грохот прибоя на утесах и резкий крик чайки и вековая сказка волн. С охотником, золотоискателем и беглым каторжником она

пробиралась по тропинкам тайги, "не знающей ни конца, ни начала", в ней слышен гул тысячелетних деревьев, мистический гул древний, вчера и сегодня такой же, как и в первый день мирозданья. Всю жизнь необъятной Сибири отразила в себе эта вольная ПЕСНЯ. Она страшна: в ее железных звуках живет сила, самая грозная из всех — СИЛА ПОБЕЖДАЮЩЕЙ ВОЛИ человека...

Ближе и ближе запад. Далеко позади остался золотосный Урал, изрытый рудниками, дымящийся трубами бесконечных заводов. В раме трохочущего моста улыбнулась на миг красавица Волга и скрылась за пологом лесистых холмов. Ушли назад и холмы: справа и слева растилается равнина, однообразная, унылая, как тоска. Мягкий воздух, сырой и влажный веет в лицо.

Незримо приближается с каждой верстой, пока еще неведомый, ужас кровавых полей там, впереди, где осенние вечера, короткие и печальные, окрашивают небо бледным багрянцем утомленного зябкого солнца. И колеса монотонно стучат, отсчитывая минуты, быть может, последних земных часов и трепетный свет фонарей, играя, дробится на штыках, которые скоро увидят кровь.

Но все так же горделиво и вольно звучит в красных вагонах и разливается по унылой равнине ПЕСНЯ, которую она слышит впервые — свободная ПЕСНЯ СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ, идущих на смерть.

Всего один день пути остается до цели. Бесснежные поля, деревья, еще не успевшие снять свой осенний убор, низко плачущее небо встречают гостей. Повсюду кругом — царство разрушения, опозоренная земля, по которой чудовище войны прошло своей чуждой стопой. Между разоренными усадьбами и деревнями, обращенными в ряды еще тлеющих пожаров, дороги кишат толпами беглецов, бредущих сами не зная куда.

Вороны носятся над полями недавних битв и сидят на покосившихся придорожных крестах. Они знают — будет еще добыча. И холодными слезами обиды, которая не забудется никогда, плачет над людским горем и мукой осеннее низкое небо...

Покинув свои поезда, СТРЕЛКИ выстраиваются для похода и столица, которую нужно спасти, принимает их в свое недра. Неведомый город, прекрасный, изнеженный, почти веселый, будто он не успел еще поверить в кровавый ужас, надвинувшийся на него так неожиданно.

СТРЕЛКИ идут мерным шагом вперед, к своей цели. Поступь их тверда, лица спокойны и непроницаемы. Бесконечным потоком серых шинелей, папах и штыков властно разрезают они живую стену толпы, запрудившей площади и улицы, и тихо колышется впереди, точно хоругви перед крестным ходом, их

знамена, в дыму и крови освященные на Манчжурских равнинах.

Оркестр не играет перед **СТРЕЛКАМИ**. Музыка, поднимающая настроение, опьяняющая весельем сверкающих медных звуков, не пужна им. Но они поют свою **ПЕСНЮ** и суровым ветром океана, бурю снеговых пустынь и вековым шумом тайги, обвевают стены старых дворцов, когда то слышавших другие, давно забытые песни. И, точно аккомпанимент, все яснее слышен глухой пушечный гром впереди, на возделанном и близком теперь поле битвы.

СТРЕЛКИ пришли, как раз, во время. Весь воздух дрожит и стонет от рева орудий. С треском рвется шrapнель, как будто чьи то невидимые руки раздирают темное полотнище самого неба, жалобной вьюгой плачут чудовищные снаряды тяжелых орудий... Пустое. Мы слышали, как сердится тайга. На горизонте, невидимый еще, враг окутывает дымом беспрерывных залпов свои траншеи. Это не страшно. Скорее бы встретиться лицом к лицу. Германцы не заставляют себя ждать. Они выходят из окопов.

Бурная осенняя ночь на Байкале. Короткие волны в белых коронах пены бегут, догоняют друг друга, сталкиваются, кружат в неистовой пляске темные чаши водоворотов. Ледяной ветер хлещет безжалостно спину Байкала своими кнутами, роем злых завывающих ведм сбегает вниз по крутым отрогам гор, ломая столетние сосны, как спички, лижет с сатанинским смирением прибрежные камни и вдруг встает до небес и хохочет, как победитель, легким пеплом разбрасывая свинцовые тучи. Это дьявол тайги, грозный сын бури и ночи разыгрался на свободе и для борьбы с ним нет иного оружия, кроме креста и молитвы.

Враг, которого можно видеть и убивать — не страшный враг и каким бы упорством не закалил он свое оружие — **ПЕСНЯ СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ**, покрывавших голоса бури на Байкале, посмеется над его яростью...

Битва разгорается. Нет, это даже не битва: это что то более страшное, более роковое, чем гнев разъяренной природы. Когда-то, на полях Каталаунских, две цивилизации столкнулись в кровавом побоище, и души убитых три дня после боя сражались еще в облаках, потому что их ненависти не могла охладить сама смерть. Эта легенда живет до сих пор, и голос ее долетает из бесконечной дали веков, как заглушенный вопль ужаса. Но тогда дрались только люди — теперь спорят мелинит и лиддит, призванные ими на помощь, бронированная сталь, электричество и сложные химические реакции, более губительные, чем свинец и порох.

Между рядами колючей проволоки, насыщенной смертоносным током, гигантские снаряды вырыли ямы: к концу битвы они станут кровавыми озерами. Точно подавленный ужасом, потаснул день, но почти нет на земле. Лучи прожекторов заливают все поле дьяволь-

ским светом, поднимаются в облака и там освещают крылья воздушных кораблей, парящих, как черные ангелы разрушения, над полями битвы.

Неспокойны и недра земли: невидимый враг роет в ней, (с упорством чудовищного крота), подземные траншеи, чтобы приблизиться незамеченным к неприятелю.

Неудержимою лавой катятся вперед ряды германцев, но каждый раз их натиск разбивается о гранитную стену защитников Варшавы, готовых умереть, но не отступить ни на шаг. Бок о бок сражаются порывистые поляки и хитрые, настойчивые хохлы, помнящие боевые заветы своих героических предков — запорожцев, — вся **РОССИЯ** сплотилась здесь в одну дружную тесную семью, стала одною могучей грудью, одушевленной биением одного сердца. Но враг силен и упорен. Они должны взять Варшаву, должны во что бы то ни стало; и они слепо исполняют приказание, в парах эфира и дурмане коньяка, выпитого перед боем, забывая обо всем, кроме заветной цели...

Но, в ту минуту, когда кажется им, что сопротивление неприятеля сломлено, серые ряды **Русских** расступаются: в битву бросились **СИБИРСКИЕ СТРЕЛКИ**. Могучее "ура" перекачивается громом по рядам. **СИБИРЯКИ** не знают ни бронированных автомобилей, ни предательской дымовой завесы: в их руках только пштык, в сердце — Бог и Отечество и грозная **ПЕСНЯ** на устах, покрывавшая рев бури на Байкале. И перед звуками этой **ПЕСНИ** смолкают пулеметы и залпы, и отдельные возгласы тонут в ее пучине, разливающейся все шире и шире. Что это? Германцы слушают и не понимают.

В Бельгии и Эльзасе они бились с французами, англичанами, слышали леденящий лютый вой сомалийцев и гурконов, но они впервые видят врага, идущего умирать с **ПЕСНЕЙ**, такой **ПЕСНЕЙ**. Измление растет, переходит в испуг, в смятение и, наконец, в панику. Немцы не выдержали. Их примитивный мозг, работающий с точностью и ограниченностью машины, не может понять того, что происходит перед ними; в странных врагах, поющих весело и грозно перед лицом смерти, они отказываются видеть людей. Дрожь пробегает по сомкнутым рядам пруссаков и баварцев, происходит замешательство и, с диким воплем испуганного зверя, они поворачивают назад, наткнувшись на свои же пштыки.

Новый взрыв громового "ура" и авиаторы вилы сверху серую пелену сибирских лапак, клином врезавшуюся в густые ряды германцев. Сзади вливаются в битву все новые и новые потоки **СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ**. Они уже не **ПОЮТ** больше, молча и сосредоточенно гонят они перед собою обезумевшего врага, упорство которого сломлено сразу и безвозвратно, занимая одну за другою его траншеи, усеивая

свой путь горами вражеских трупов, сами не зная, где кончится их преследование. Битва выиграна, германцы отступили от Варшавы.

СИБИРСКИЕ СТРЕЛКИ возвращаются в город, который отстояли своей грудью, почти вырвали из рук врага, уже готового торжествовать победу. Знамена, покрытые новой славой, также тихо колыхаются впереди, простреленные, изорванные, почерневшие от дыма. Восторженные крики приветствуют победителей. Женщины бросают цветы к их ногам, поднимают над головами детей, протягивающих руки к штыкам, на которых так празднично горит и сверкает осеннее солнце, но СТРЕЛКИ идут, не глядя по сторонам, не оборачиваясь, так же спокойно, как шли в бой и в широких волнах той же ПЕСНИ, по-прежнему, звучит сила, самая грозная из всех — СИЛА ПОБЕЖДАЮЩЕЙ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА.

Ликующим кликом они возвестили:
Врагу не осилить СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ
За Калиш, за Польшу мы им отомстили
Ударом могучих штыков.

Падите твердыни, идут исполины
На страх и погибель германским полкам
Идут Ермака боевые дружины,
Дорогу СИБИРСКИМ СТРЕЛКАМ.

Израненной Польше несем мы свободу,
Пусть верит СИБИРСКИМ СТРЕЛКОВЫМ
ПОЛКАМ
Великою клятвой ЦАРЮ и ПРЕСТОЛУ.
Клянемся, что мы победим.

Из архивных материалов
подполковника А. Сейфуллина

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИК

(Отрывок из книги "От Тифлиса до Парижа")

Вскоре после моего прибытия в полк, в день св. апостолов Петра и Павла, Тверцы торжественно справляли свой праздник. Утром молебен и парад. Один за другим подходят эскадроны и занимают свое место на плацу перед домом командира полка. В стороне много местных жителей, в большинстве сыновья и внуки тех семейных солдат, которыми были заселены Царские Колодцы еще в то время, когда существовала знаменитая "лезгинская линия". Много стариков с медалями за войну 77-78 г.г. С ними беседуют подп. Яхонтов и кн. Чавчавадзе — вспоминают "битвы где вместе рубились они"... Местные франтихи, по праздничному одетые, проходят мимо группы офицеров.

"Вон та могла-бы заткнуть за пояс любую столичную красавицу", — говорят офицеры, указывая на стройную девушку с тонким лицом и красивыми глазами. Подполковник Мамацев оборачивается: "то-то оно и понятно — она ведь не совсем крестьянка: ее настоящий отец грузин, корн. Б., и та тоже, между нами говоря, офицерская дочка". Мамацев живая летопись полка. Он побил рекорд пребывания на должности полкового адъютанта — 22 года. — "Катя, Катя, танцуй сюда", — машет он рукой "офицерской дочке", замуж не собираешься? Смотри, не забудь пригласить меня на свадьбу, я ведь и на свадьбе твоей мамы был".

— Обязательно, Давид Константинович, — как-же без вас.

Никакое семейное торжество у местных жителей не обходилось без участия офицеров полка. Ротм. Карнович потерял счет своим крестникам и крестницам. Я лично уклонялся от посещений таких торжеств: слишком закармливали.

Как некогда в Белгороде, Курской губернии, так

и на Царских Колодцах, жители считали полк своим. Преемством из отпуска, я встретил в Тифлисе на Михайловском проспекте подводу, лицо подводчика показалось знакомым: "Ты из Царских? Не видал ли кого-нибудь из Тверцов?". — Из нашего полка издослужился поручик Горчаков и корнет Ильинский, — последовал ответ.

После парада — обед в полковом Собрании. Собрание — это красивое здание с балконом, выходящим в сад. Громадный паркетный зал, хоры для трубачей, музей, библиотека, бильярдная комната, парикмахерская и зал для банкетов. Во всякое время дня можно было получить горячую и холодную закуску за 7 коп., бутылку вина за 10 коп.

Здесь кусочек Европы, где можно увидеть дам, танцующих Па д'эспань, Миньон, Па де Патинер, где слышна французская речь. А позади собрания начинается Азия. Тянется на десятки верст Ширакская степь, по которой бродят со своими стадами тушины в бурках и косматых папахах. И уклад жизни их не меняется со времен Адама и Евы.

Красивую картину представляет стол, уставленный закусками. В центре возвышается громадная серебряная, художественной работы, братина, окруженная чарочками. Вот серебряная чаша с длинной ручкой — полковая "священная азарлеша". Вот чаша из медалей, полученных Тверцами за Ахал-Текинскую экспедицию в 1881 году. На серебряных приборах фамилии тех, кто служил или служит в полку. Хозяин Собрания, поручик Сулханов, руководит прикладкой, однообразно одетой в синие куртки и в белых перчатках.

Официальных тостов много. Целые горы поздравительных телеграмм и писем. Государыня Императрица благодарит за поздравление от имени Шефа

полка — Наследника Цесаревича. Поздравляют кунаки Тверцов — Нижегородцы, Северцы. Дагестанцы, Эриванцы, Грузинцы, Тифлисцы, Мингрельцы и другие. Поздравляют казаки Хоперцы. Из всех концов России шлют поздравления те, кто служил в полку или дружил с Тверцами. Звучат марши тех полков, которые поздравляют. С берегов Балтийского моря шлют поздравления немецкие бароны, по традиции отбывающие воинскую повинность вольноопределяющимися в полку.

По окончании официальной части, командир решает курить и предлагает избрать тулумбаша. Тулумбаш избирается не из числа молодежи, т. е. молодежь еще не достаточно ознакомилась со всеми кавказскими традициями. Старших тоже не беспокоят. Избирается шт. ротм. Мамацев. С момента выбора — это царь и Бог. Он руководит весельем, следит за соблюдением старых кавказских обычаев (адатов) и полковых традиций, он говорит речи и заставляет говорить других, штрафует бокалом вина за малейшую оплошность и без его разрешения никто не может сказать слово. Он первый запевает “Мравал-жамие” и другие застольные песни. Традиций много. Вот, по знаку тулумбаша, трубач начинает играть марш Дагестанского конного полка. Солдат, подающий командиру полка индейку, поворачивается и начинает маршировать вокруг стола. Смотрю, уже все офицеры, схватив что попало, начинают маршировать. Марширует и командир полка, с салфеткой в руке, а за ним повар Васо в белом переднике с барашком на вертеле (на шампуре). Откуда этот обычай? Я так и не удосужился узнать. Марш сменяется лезгинкой. Все хлопают в ладоши. Маленький, живой, командир эскадрона князь Нико Чавчавадзе уже несетя, приглашая других следовать его примеру.

Не успел я положить в рот кусок индейки, как услышал возглас тулумбаша:

— Крестить молодежь!

Молодежь — это вышедшие в полк Жданко, Нечволодов, Дударов и я. Нам торжественно подносят, наполненную вином до верха, полковую азарпешу. Она вмещает чуть-ли не целую бутылку вина. Ее надо выпить до дна и сказать слово. После этого крещения все начинает плыть перед глазами. Надо сказать, что крестили азарпешей не только молодых офицеров, но и вообще всех “молодых” кавказцев, напр., вновь назначенного на Кавказ командира корпуса ген. Мышлаевского. А Нижегородцы крестили министра Столыпина.

Новая команда тулумбаша: “Ахали-супра”. Это есть обновление стола, уже после того, как съедено сладкое и прошло некоторое количество времени. Со стола убирается все, подается чистая скатерть, появляются шамалыки и, конечно, разные кахетинские, карталинские и др. вина, — дэмоба, гурджаани, на-

пареули, цинондалы, саэро... Появляются песенники. Царит веселье. Молодецкий запевало начинает: — “Вспоманем братцы бой великий, кровавый бой Кюрюк-Дара”. Песенники подхватывают: “Орудий гром, команды клики — победоносное ура”. Поются и другие военные песни. Корнеты и поручики сговариваются разыграть строгого подполковника Амашукели.

— А ну, ребята, спойте любимую песнь полковника, — обращаются они к песенникам. Песенники затягивают: “Сама садик я сажала...” Амашукели удивлен:

— Что за гадость они поют и откуда они взяли, что это моя любимая песнь?” А солдаты стараются: “И цветы я поливала...” Тулумбаш дает стакан вина запевале и говорит ему:

— Скажи, брат, хорошее солдатское слово.

Я любил слушать солдатские тосты. Тулумбаш предлагает сказать тост в честь присутствующего начальника дивизии, ген. Шарпантэ. Обычно, по какому бы поводу не говорил солдат, он кончает тостом за своего корнета, т. е. своего ближайшего начальника. Вот и теперь — запевало выступает вперед. Вид у него торжественный.

— Братцы, — начинает он свою речь, обращаясь ко всем, (в том числе и к начальнику дивизии), — потому, как издеся, промеж нас, извоинит быть их превосходительство генерал Шарпантэев, я пью во здравие моего заучающего корнета Туганова. Ен нас, братцы, заучал и ен нам показал, кака така служба есть в славном драгунском Тверском полку. Вра ему, братцы!

Начальник дивизии сконфужен и чокается с корнетом Тугановым.

Из ближайших эскадронов начинают доноситься песни и крики ура. Мы идем в гости к драгунам. Помещения и столы в эскадронах разукрашены гирляндами из веток и цветов. На столах горы мяса и, гордость эскадронов, поросята со сметаной и хреном. Поросята от своих, эскадронных свиней. Эскадронная аристократия — вахмистр, унтер-офицеры и фельдшер, радушно принимают нас. Произносятся речи. Заливается гармошка. Один за другим выскакивают танцоры. Какой то доморощенный артист выкрикивает куплеты на злобу дня. Узнаем и себя в этих куплетах. После того, как меня, в числе других, подбросили чуть не до потолка, я чувствую, что начинаю куда-то уплывать... и незаметно удираю. На мое несчастье, натыкаюсь на целую процессию: корнеты Берг, Градганд и Туганов, со своими песенниками, окружают меня и наливают стакан вина. Тут уже наступает мой конец. К счастью, проезжающая мимо моя тетушка, княгиня Мхейдзе, усаживает в свою коляску и отвозит домой.

Г. Танутров

АРГОНАВТ

Н. И. Ильину.

Море... синее море с поющими вечно волнами...
Море... синее море... Далеко от скучной Земли, —
К неизвестным мирам с неизвестными людям богами
Веревницей крылатой стремятся мои корабли.

Что нас ждет?.. — Исполинские подвиги?.. Жалкая участь пигмея?..
Завоеванный в битвах престол?.. Бездна надежды пожизненный плен?..
Не пристанем-ли мы к берегам любовной царицы Цирцеи?..
Не посадим-ли судно на камни под пенье коварных сирен?..

Что увидим?.. — Обитель бессмертных?.. Забытые смертных могилы?..
Прах бесплодный горячих пустынь?.. Водометами плещущий сад?..
Избежим-ли мы Спрута и Змея?.. Избежим-ли Харибды и Сциллы?..
Не почим-ли на дне Океана в холодных объятьях наяд?..

Что найдем?.. Государство кентавров?.. Уснувших богов Атлантиды?..
Амазонок с усеченной персью?.. Прометея в цепях на скале?..
Прах Икара?.. Лернейскую гидру?.. Тирс Диониса?.. Лук Артемиды?..
Гнезда гарпий?.. Руно золотое в неведомой смертной земле?..

Кто нас встретит на той стороне пересеченной нами стихии?..
Неизвестный нам друг или враг?.. Человек, полубог или бог?..
Если люди, — то что за народ?.. Если боги, — то боги какие?..
Жизнь и свет источающий Гор или алчущий крови Молох?..

Не умрем-ли мы с голода в море?.. Путь найдем-ли на землю обратно?..
Вновь увидим-ли близких в живых?.. Возвратимся-ль в отеческий дом?..
Иль на острых камнях бурунов обратимся в кровавые пятна?..
Или черные вихри пустыни нас заведут заблудившимся песком?..

Неизвестно. — Никто никогда не проник за Завесу поныне.
Свято тайны свои от людей сохраняют Эдем и Эреб.
Не поднять дерзновенной рукой покрывала над ликом Богини.
Не прозреть — раньше срока — событий, начертанных в Книге Судеб.

Все равно. — Нас манят, нас влекут в Неизвестность ведущие воды.
Нам милее покоя Земли в Безконечность стремящийся путь.
Мы не ищем довольства рабов. — Мы жаждем борьбы и свободы. —
Отдохнуть?.. После смерти и так мы успеем еще отдохнуть.

Догорает за морем Закат. — В недоступные смертному страны
Светоносный скрывается Лик, чтобы завтра опять воссиять.
Потемнела под ласками ночи зеленая глубь Океана. —
Но попрежнему весла пенят беспредельную водную гладь.

Дышет синяя грудь Иполины. Звучит необъятное марго.
С гребней волн за клубился туман, воскурля в ночи фимиам.
Мчись вперед мой корабль!.. мой крылатый продерзостный Аргон, —
За пределы доступного мира, — к несчетным безвестным мирам...

Н. И.

Оклеветанный император

В Русской исторической и художественной литературе считалось признаком хорошего тона придерживаться мнения, будто четырехлетнее царствование Императора Павла Петровича не представляло собой ничего другого, как ряд нелепых поступков и фантастических распоряжений, продиктованных больной психикой этого Государа. Даже его трагическая кончина, от рук пьяных убийц, почиталась Русским обществом, как неприятный, но необходимый акт, совершенный группой патриотов, освободивших им Россию от власти тирана. Эта заведомая неправда обуславливалась причинами двоякого свойства.

С одной стороны, она опиралась на неосведомленность общества, ввиду запрещения касаться архивов павловского времени, которое таким образом находилось под цензурным запретом. Эту неосведомленность отнюдь не рассеял труд генерала Шильдера (Н. К. Шильдер, "Император Павел I"), почитавшийся официально-классическим для характеристики Павла, так как, будучи написан по желанию правительства, он очень далек от объективности и носит на себе несомненные черты того, что ныне именуется "социальным заказом". Что же касается цензурного запрещения архивов павловской эпохи, то таковые основывались на ложных соображениях монархического престижа, который будто бы не позволял осведомить общественное мнение о том, что один из государей царствовавшей династии был убит своими подданными.

Что же касается другой стороны той же неправды и клеветы на Императора Павла, в области художественной литературы, то таковая, до 1907 года, руководствовалась главным образом задачей дискредитировать идею монархии вообще, и потому, шедшая сверху, тенденция замолчать Павла, как нельзя более, развязывала руки тем представителям Русской литературы, которые старались облить грязью собственное прошлое. Не приходится поэтому удивляться тому факту, что как официальная история, так и литература, в своих работах об эпохе и личности Императора Павла базировалась на воспоминаниях и записках исключительно таких современников, как граф Пален, граф Панин, граф Воронцов, Уитворт, Бенигсен, Ланжерон и фон-Визин, т. е. людей, которые прямо участвовали в царевубийстве, были причастны к заговору или имели причины быть недовольным Императором Павлом и его политикой.

История Европы не знает другого примера того, чтобы Государь, имевший благородный характер и преисполненный самых благих намерений, был бы так незаслуженно и низко оклеветан современниками и историей, как это случилось с Императором Павлом. Трагический конец этого Государя, являвшийся результатом государственной измены и оплаченный иностранными деньгами, останется навеки одной из позорнейших страниц Русского прошлого. Люди, осыпанные милостями и облагодетельствованные Павлом, ставшие во главе заговора, при совершении ими пре-

ступления руководствовались столь низкими побуждениями, что не имеют и не могут иметь никакого оправдания ни перед Богом, ни перед людьми, не говоря уже о собственной совести...

Судьба поставила Императора Павла во главу России в тот трудный, переходный момент, когда наша родина выходила из своего полу-азиатского прошлого на широкую европейскую дорогу прогресса и культуры.

Императрица Екатерина II вступила на Русский Престол, не имея на него и тени права, исключительно путем насилия, в обход законных наследников. На трон ее посадило дворянство в лице кучки шальных гвардейцев, и все свое царствование Екатерина, сознавая это, была дворянской парицей, управляла Россией исключительно в интересах этого одного сословия. Она уничтожила управление государством через выборных людей всех сословий, отдав в руки дворян весь административный аппарат России.

Управление дворян-чиновников внесло в государственный аппарат произвол, от которого страдало население. Своим законодательством Екатерина расширила дворянские привилегии, усилила крепостное право и поставила крестьянство в гораздо худшее положение, чем оно жило до нее. Власть помещиков, в ее царствование, распространилась на личность и труд крестьянина, на которого от екатерининского времени установился взгляд, как на частную собственность помещика, его "крепленную скотинку".

Пугачевщина, вспыхнувшая в середине царствования Екатерины и чуть не погубившая государство, являлась стихийным протестом против созданного этой Государыней рабства. Хотя движение Пугачева захватило только восточную Россию, не подлежит сомнению, что ему сочувствовала вся крестьянская масса целиком.

К моменту воцарения Павла, таким образом, назревал вопрос об облегчении положения крестьян. Решительных реформ требовала жизнь и в других областях, в особенности в армии, которая нуждалась в коренной реорганизации. После дворцового переворота, совершенного лейб-компанией, эта последняя получила такие права и привилегии, что населению столицы приходилось много терпеть от самоуправства гвардейцев, не признававших над собой никакой власти. Гвардия, начиная с этого времени и вплоть до смерти Императрицы Екатерины II, постепенно до того разбаловалась и развратилась, что, вообще, перестала походить на военную организацию, т. к. гвардейские офицеры совершенно забили службу и предпочитали носить вместо мундира штатское платье, украсив себя при этом дамскими принадлежностями туалета, как кружева и даже муфты.

В 1742 году, чтобы хоть немного привести в порядок гвардейские полки, стоявшие в СПб., и поднять среди них совершенно пошатнувшуюся дисциплину, гвардия, по совету Шувалова, была отправлена на пфко-

торое время в Финляндию. При Екатерине положение дел в гвардии стало еще хуже. Офицерство совершенно перестало интересоваться службой и зажило частной жизнью, ничего общего не имевшей с военным обиходом. Этому способствовало и то обстоятельство, что по новым правилам, введенным Екатериной, дворянских детей записывали в гвардейские полки с рождения, так что они, сидя по домам, получали чины, и часто выходили в отставку, не видав в глаза полка, где они числились офицерами. Вся тяжесть службы ложилась таким образом на плечи солдат и унтер-офицеров недворян, в то время как даже состоявшие налицо в полках офицеры занимались чем угодно, кроме службы.

Беря пример с гвардии, постепенно распустилась и армия, в которую офицеры гвардии переходили сразу на штаб-офицерские вакансии. Австрийский военный агент капитан Парадиз в своих воспоминаниях о степном походе 1736 года рассказывает о том, что Русская армия этого времени была до того обременена обозами, что из-за этого была совершенно лишена возможности маневрировать и передвигаться. «Были, — говорит он, — в армии такие майоры, которые имели в обозе до 30 телег со всевозможными удобствами, и сержанты из дворян, тащившие с собой в поход караван из 15 фургонов. Драгуны до такой степени навьючивали коней всевозможной поклажей, что скорее напоминали собой вьючный транспорт, почему за кавалерию их и почитать было нельзя».

Все это сходило с рук в царствование Императрицы Екатерины, так как ей не приходилось сталкиваться с европейским противником, но дальше это продолжаться так не могло. В Европе назревали события, которые, несомненно, должны были затянуть в свой водоворот и Россию.

Помимо беспорядков в военном ведомстве, последние годы царствования Екатерины были вообще периодом общего экономического и административного развала во всех областях. Злоупотребления коснулись как самого Двора, так и всей высшей и низшей администрации и управления.

Живя в принудительном отчуждении в Гатчине, вдали от всяких государственных дел, Наследник Павел Петрович был, однако, прекрасно осведомлен о всех отрицательных сторонах правления его матери и заранее подготавливал те реформы, которые, по его мнению, назрели и были необходимы в России. Руководящей мыслью Павла было, как ныне уже установлено историей, уничтожение сословных привилегий и водворение правды и законности в государстве. Этому не отрицают даже люди, относившиеся отрицательно к личности Императора Павла, как уже вышеупомянутый Шильдер. («Император Павел I», стр. 327 и 338). Другими реформами, задуманными Павлом в Гатчине, являлись: закон о престолонаследии, облегчение быта крепостных крестьян, борьба с революционными идеями, идущими с Запада, и реформа армии.

Этот последний вопрос особенно занимал Павла в его гатчинском изгнании. Как в свое время молодой Петр в селе Преображенском, Павел, еще будучи на-

следником, приступил к организации и обучению кадров будущей реформированной армии, создав в Гатчине несколько образцовых строевых полков.

Екатерининская гвардия, как и стрельцы деспотовской Руси, была придворным войском, превратившим свое привилегированное положение в угрозу трону. Это была военная сила, которую было необходимо сломить такой же силой. Последней, по мысли Павла, должны были стать его гатчинские полки. Им пришлось сыграть ту же роль, что и «потешным» молодого Петра.

«Гвардию нахожу весьма великой и весьма несобойной ко всякому делу, не говоря о прочих ее неудобствах, которые каждый чувствует, но не станет о сем говорить», гласит собственноручная записка Павла, относящаяся к этому периоду.

Как и Император Петр, Император Павел заимствовал новый воинский устав и порядок обучения войск с Запада. Европа середины и конца XVIII века единодушно преклонялась перед военным гением Императора Фридриха, доведшего обучение своих войск до степени совершенства. По его образцу и примеру Цесаревич Павел Петрович стал обучать и свои гатчинские полки. Великие Князья Александр и Константин Павловичи также целиком прошли строевую школу своего отца.

10 ноября 1796 года, через четыре дня после вступления на престол Императора Павла, гатчинские полки походным порядком пришли в столицу, где были встречены Императором и Великими Князьями. В тот же день офицеры и сержанты были распределены по полкам гвардии, в качестве инструкторов нового воинского устава. Гвардейским офицерством реорганизация армии была встречена с большой неприязнью и возмущением. Энгельгардт, в своих воспоминаниях, пишет об этом событии так: «Дико было видеть гатчинцев рядом с нашими гвардейскими офицерами. Все мы, в отличие от них, были более придворными, нежели военными людьми, тогда как они ничего, кроме фронта и служб, не знали и знать не хотели. При Императрице мы думали не о службе, а только о том, чтобы ездить в общество, на театры, ходить во фраках; теперь же нам пришлось, с утра до вечера, быть на полковом дворе, где нас обучали, как рекрут».

Эти строки дают совершенно ясную картину того, как привыкшие при Екатерине к безделью гвардейцы, не понимая своего положения трудней, возмущались требованием Императора от них военной службы, чему они были, однако, обязаны самим званием офицера. Гатчинцы же, так гвардейцами презираемые, эту службу прекрасно знали. Ярким тому примером может служить «гатчинский капрал Аракчеев», по сей день считающийся творцом Русской артиллерии.

Знали службу и оба Великие Князя, сыновья Павла, и прекрасно понимали все значение военной реформы отца. Лучшим доказательством этого служит то, что при своем вступлении на престол Император Александр Павлович целиком сохранил в армии доктрину, уклад жизни и систему обучения войск своего отца, изменив лишь несколько форму обмундирования.

Жизнь целиком оправдала “гатчинскую реформу”, так как не сохрани ее Император Александр в Русской армии, не видать бы нам ни победы над Наполеоном, ни той славы, которую приобрело Русское оружие в Отечественную войну. Без Гатчины — не было бы и Парижа...

Только благодаря Павлу и его реформам в армии Русские войска сумели с честью выдержать удар лучших в Европе войск Наполеона и одержать над ними победу.

Одновременно со введением нового устава, Павел отменил и прежний порядок службы дворянства. Каждый молодой дворянин был обязан начинать свою службу в строю и на практике проходить всю военную и строевую науку. “Вместо распушенной и жирной масленицы, — говорит один из современников, — для военно-дворянской аристократии начался суровый пост”.

Павел, умышленно строгим отношением к службе, желал добиться того, чтобы люди, которые носили военный мундир из тщеславия, но не желали нести связанные с ним обязанности, покинули ряды армии. Гауптвахты столицы и провинции наполнились с первых дней нового царствования арестованными офицерами, виновными в нерадении и служебных упущениях. Меры эти скоро себя полностью оправдали: все лишнее для армии поспешило покинуть ее ряды.

Уже при жизни Императора Павла Русская армия стала тем, чем она и должна была быть; суворовские победы были наградой ему за труды. Нападки современников и историков на Павла за его увлечение “шагистикой” и мелочами формы и строя не заслуживают серьезного внимания. Они являются точкой зрения штатских критиков, не имеющих понятия о военной службе, всякий же строевой офицер знает, что форма одежды и выправка являются основой всякой строевой части и показателем ее воинского духа. Чье Русское сердце не билось любовью и гордостью за Россию на майских парадах в Петербурге? Какой англичанин современной демократической и полу-социалистической Англии не гордится великолепной выправкой гвардейских гренадер на смотрах перед Сен-Джемским дворцом? А ведь это именно “шагистика”, и только “шагистика”...

Ненавистники славного прошлого нашего Отечества выставляют козырем против военных реформ Императора Павла авторитет фельдмаршала Суворова, критиковавшего “гатчинские нововведения”. Аргумент этот мало доказателен, так как, в царствование Императора Павла, Суворов кончал седьмой десяток лет и ему, как всякому старику, были не по душе какие бы то ни было нововведения, к которым надо было привыкать. Кроме того, Суворов в вопросах формы и военного приличия авторитетом вряд ли может быть признан, ибо, как известно, отличался всегда подчеркнутой небрежностью в одежде. Так, он не стеснялся появляться перед войсками в одном белье, а у себя в ставке даже перед иностранными генералами и совсем в голом виде. О дисциплине и субординации старший фельдмаршал, истинный представитель екатери-

нинского времени, также имел весьма оригинальные понятия, что и доказал на парадах, куда его приглашал Император Павел.

“Фельдмаршал, — говорит его биограф (А. Петрушевский, “Генералиссимум князь Суворов”, стр. 390-391), — проявлял умышленное невнимание к параду, отворачивался от проходивших мимо него взводов, выходя из кареты сделал вид, что споткнулся о собственную пшугу, которая будто бы ему мешала пройти дверцу кареты. Вертел в руках шляпу нового образца, делая вид, что не знает, что с ней делать, и кончил тем, что уронил ее к ногам сумрачно на него смотревшего Императора. Не довольствуясь этой комедией, Суворов громко крикнув: “Не могу больше... брюхо болит...”, уехал до конца парада, не стесняясь присутствием Императора”. Государь сдержал себя, выказав, по отношению фельдмаршала, в этот день, необыкновенную сдержанность и снисходительность”.

Не довольствуясь всем этим, фельдмаршал заявил Императору, что “раз нет войны — ему нечего делать в армии”, чем, наконец, вывел из себя Павла, который и уволил Суворова в отставку.

Пусть каждый читатель этих строк, бывший на военной службе, ответит по чистой совести: где и когда какой бы то ни было генерал мог бы позволить себе подобное поведение в отношении своего Государя и не вылететь со службы?.. Между тем, Император Павел не только искренне простил Суворову подобное оскорбление, но, ценя военный гений фельдмаршала, награждал его к концу жизни так, как ни один Государь на свете не награждал своего подданного.

Одновременно с реорганизацией армии, Павел провел в жизнь и другие мероприятия, необходимые в России. 5 апреля 1797 года им был опубликован чрезвычайно важный закон о Престолонаследии. Закон этот устранял прежний произвол в назначении Наследника Престола, произвол, господствовавший в России со времени Петра Великого, благодаря которому было столько смут и дворцовых переворотов в XVIII-м веке. Новый закон внес строгий порядок в наследование Престола, оставшийся в силе до наших дней.

С первых дней своего царствования, Павел приказал устроить, у наружного окна своих покоев, особый ящик, в который каждый мог опустить прошения или жалобы, которые Император лично рассматривал, благодаря чему были устранены многие несправедливости.

Говоря о характере Императора Павла, Саблуков в своих воспоминаниях (Саблуков, “Воспоминания о царствовании Императора Павла”) пишет: “Государь в своих поступках проявлял необыкновенную доброту ко всем маленьким людям. В нем было глубокое чувство справедливости и стремление бороться с несправедливостью и неправдой. На престоле он не желал быть только государем высшего класса, как была его мать, он хотел одинаково добра всем условиям своего государства, над которым, как он твердо верил, его поставил сам Господь”.

Павел до глубины души возмущался ужасами террора, сопровождавшего французскую революцию, и пре-

красно понимал причины, эту революцию вызвавшие. Поэтому, еще будучи Наследником, он мечтал улучшить положение низших классов в России и сократить привилегии высших. Взойдя на Престол, он немедленно стал проводить эти идеи в жизнь. 5 апреля 1797 года Императорским Указом он значительно облегчил положение крепостных крестьян, воспретив помещикам принуждать их к работе в воскресные дни и употреблять на барщину больше трех дней в неделю. Вслед за этим указом появились и другие распоряжения, облегчавшие быт крепостных крестьян.

Депеши шведского посла при Павле, Стэдингга, человека совершенно незаинтересованного и поэтому объективного, к шведскому королю, за все царствование Павла, были полны похвал его реформам. “Государь, — писал Стэдингг, — имеет множество достоинств и держит себя непринужденно с лицами низших классов, проявляя к ним самое большое доброжелательство. Все меры, принятые Императором Павлом для установления закона и порядка в государстве, вызывают недовольство в высших кругах дворянства и гвардии, но зато привлекают к Павлу сердца его подданных из народа, своей щедростью, справедливостью и любовью к порядку. Внушая страх к высшим, Император тем самым защищает народ от несправедливости, под бременем которой он изнывал прежде”...

Лубяновский, приехавший в Петербург на третий день царствования Павла, пишет в своих воспоминаниях: “Царь за работой с ранней зари, с шести утра, и все остальные, волей или неволей, принуждены жить примером Государя. В канцеляриях, на полковых дворах, в департаментах, в коллегиях, везде в столице горят огни с пяти часов утра. Сенаторы с восьми уже принуждены сидеть за красным столом. Возрождение по военной части было явственнее и началось с го-

ловы: требование Государя к генералам и офицерам оставить прежнюю распущенность и приняться за дело, — было известно во всех классах населения”.

Граф Ланжерон, со своей стороны, упоминает, что солдаты и простой народ обожали Павла. “Кары Императора были направлены на распущенное гвардейское офицерство и дворянство, солдатам же при нем жилось гораздо лучше прежнего, их хорошо содержали, кормили и одевали. Все злоупотребления, от которых прежде так страдали войска, были выведены с корнем”. (Граф Ланжерон, “Воспоминания о смерти Императора Павла I”).

Требуя от своих подданных работы, порядка и законности, Император Павел I объявил одновременно с тем борьбу против роскоши, развившейся в высших кругах общества в царствование его матери. С этой целью он издал особые правила, касающиеся жизни дворян и чиновников. Для каждого дворянина, согласно его чину, было определено не только число лошадей для экипажа, но также и число блюд за обедом. Павел отнюдь не хотел унижить дворянское звание; наоборот, он хотел, чтобы оно стояло выше других сословий, но не благодаря сословным привилегиям, а своим высоким понятием о чести и доблести. Так, 3 января 1797 г. им был издан указ, согласно которому “телесное наказание не должно коснуться благородного”, однако, с оговоркой, что дворянин, совершивший преступление, лишается чести и дворянства и подлежит общему закону о наказаниях. Этот принцип был до революции принят в Российском законодательстве, которое предвидело “лишение прав состояния” при известных преступлениях.

Анатолий Марков

(Окончание следует)

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

(Продолжение)

Царствование Императора Николая I, как и последующее, оставило нам ряд прекрасных, по своим внешним формам, медалей, как для ношения, так и настольных. На их лицевых сторонах — почти всегда изображен лик *молодого* Императора — несмотря на долгое царствование; в самом начале, в надписи, упускалось слово “Самодержец” (как и в конце царствования Императора Александра I). Начиная с медали “За взятие Парижа” (розданной, как известно, только с восшествием на престол Николая Павловича) — входят в употребление “комбинированные” ленты, составленные из двух основных орденских. В большинстве случаев, отличия должны были быть возвращены Капитулу Орденов, после смерти награжденного. В виду того, что нижние чины (отставные) часто носили поддельные (литые из олова) отличия, вместо оригинальных, — в середине царствования был опубликован приказ — воспрещающий ношение таковых; к сожалению — этот приказ был впослед-

ствии забыт и наша военная медалистика была обезображена изделиями частных фабрик — иногда просто фантастическими. — В моем собрании находится добрая дюжина медалей в память 300-летия Дома Романовых; одна — прекрасной работы, официальная, чеканенная на С. Петербургском Монетном Дворе, остальные — с более или менее уродливыми изображениями на лицевой стороне — изделия *частных фабрик*. Насколько последние были распространены (а Правительство и общество примирились с подобным безобразием), видно, например, из слов генерала Спиридовича, который приобрел, носил и удивлялся искаженным лицам Монархов, не зная, что он имел дело с фабрикатом (подделкой) злоумышленно-бессовестных частных предпринимателей...

В приложенной таблице, под № 77, значится Знак за беспорочную службу для военных (на Георгиевской ленте) и гражданских “чиновников” (на Владимирской), состоящих в офицерских чинах. Знак

за 60 лет, кстати, был пожалован Императору Германскому Вильгельму I, в 1878 г.

Ряд, так сказать, “общих” медалей (№№ 79-84, т. е. “за усердие”, “за службу в Конвое”, “за верность”, и “не военные”, здесь неупомянутые, — “в Знак Монаршего Благоволения”, “за усердную службу”, “за Веру и Верность”, “за спасение утопавших” (или “погибавших” — также на польском языке), в большинстве просуществовавших до середины 1917 г. — тут подробно не описывается — за исключением № 78 “За Спасение Человечества” (ныне надпись — замысловатая), недолго существовавшая при Александре и Николае Павловичах; насколько мне известно, эта медаль была выдана только один раз (совместно с наградой в тысячу рублей), — “за подвиг” казачке.

Назначение медалей №№ 85-86 — установить не удалось.

Из далее перечисленных отличий — мы остановимся только на некоторых. Так, например, медали “за Храбрость” (№№ 82-83) до 1844 года выдавались *нехристианам* — вместо Знака Отличия Военного Ордена, после этого года им выдавались ордена и прочие знаки отличия с изображением Государственного Герба вместо изображения (или монограмм) святых.

Медаль № 88 — важно отметить, что участники блестящего Наваринского морского боя (8/20 октября 1827 г.) были также награждены этой медалью, но, на основании Высочайшего Указа Начальнику Морского Штаба от 6 октября 1829 г., в котором сказано, что ею награждаются “участвовавшие в военных действиях, возникших на Средиземном море до объявления войны Портой Оттоманской...”

Истории “Польского Знака Отличия” (№ 89) — посвящены специальные исследования. Этот не Российский, а польский знак (*Virtuti Militari*) — был роздан (в пяти разных степенях) всем участникам войны 1830-31 гг. (единственный случай в истории, когда войска были награждены... неприятельским отличием).

История медали № 92 — тоже не раз обсуждалась военными историками: она была выдана небольшому турецкому отряду, расположенному около нашего десанта в Босфоре; из особой деликатности, крест на короне воспроизведен не был (тоже неповторимый исторический случай).

Медаль № 93 была выдана добровольческим грузинским, армянским, кабардинским и прочим командам, конвоировавшим Николая Павловича, во время объезда еще далеко незамиреного Кавказа.

Знак Отличия Военного Ордена № 94 отличается от обыкновенного особой нумерацией и вензелем Императора Александра I на верхнем конце оборотной стороны креста.

Знак № 97 упоминался выше при описании медалей №№ 82-83.

В дополнение к медали для ношения № 98 интересно отметить, что совокупно с нею жаловалась

очень красивая *насто́льная* медаль, чеканившаяся, на ту же тему, из серебра — для генералов, а из бронзы для остальных офицеров. Надпись на ней — следующая: “Российское побѣдоносное войско поразило и усмирило мятеж въ Венгрии и Трансильвании въ 1849 г.”. Особо отличившиеся тогда австрийские солдаты — награждались знаками отличия Военного Ордена, а наши нижние чины — получали австрийские медали с надписью “*Der Tapferkeit*”.

Царствование Императора Александра II: через два месяца, после выхода нашего Севастопольского геройского гарнизона, Император Александр II поспешил лично повидать Крымскую армию и выразить севастопольцам чувства, переполнившие Его душу и тогда же, приказом от 31 октября 1855 г., Им была установлена серебряная медаль “За Защиту Севастополя”, собственно для войск, защищавших укрепления, впоследствии же, однако, права на получение этой медали были расширены.

Точно также был установлен ряд дополнений на право ношения светло- и темно-бронзовых медалей “За Восточную Войну 1853-55 гг.” (№ 105), установленной 26 августа 1856 г. В общих чертах, медаль эта, на Георгиевской ленте, была выдана участникам Синопского боя, всем войскам азиатского театра войны и защитникам Петропавловска на Камчатке. На Андреевской ленте — всем участникам отражения неприятельских нападений в других частях государства, Ополчению и сестрам милосердия Крестовоздвиженской Общины. На Владимирской ленте — всем прочим офицерам, а также дворянству (но не для ношения, а на память, для сохранения в роду). На Аннинской ленте — за пожертвования купечеством на раненых и на военные расходы.

Знак Ополчения (№ 107) исследован только почти через сто лет, а именно в статье, напечатанной в газете “Русская Мысль” от 25 декабря 1951 г.

Знак Отличия Военного Ордена, не имевший степеней, был разделен на 4 степени 19 марта 1856 г. (медали “за храбрость” подверглись тем же изменениям на 22 года позже).

Медаль № 109 (с горизонтально двустрочной надписью, из бронзы), просуществовала недолго и потому почти “уникальна”.

Начиная с медали № 117 — все прочие хорошо памятные нашему старшему поколению (конечно кроме нескольких специальных, весьма редких).

Медаль за Русско-Турецкую войну, в серебре — была выдана только защитникам Шипкинского перевала и крепости Баязет, а также участникам взятия крепости Карс; светло-бронзовые — всем прочим строевым участникам этой войны, а темно-бронзовые — нестроевым.

Медаль № 120 — была выдана на комбинированной ленте, — впоследствии неповторенной.

Владимир фон-Рихтер

(Окончание следует)

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

К СТОЛЕТИЮ КОНЧИНЫ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го

После смерти Государя Императора Николая Павловича, прусский фельдмаршал граф Врангель, близко и хорошо знавший почившего, сказал про него: «Das war ein Kaiser, das war ein Mensch».

Сообщил *Н. Р.*

СЛУЧАЙ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ВОИНСКИМ УСТАВОМ

Во время бомбардировки Владивостока, 22 февраля 1905 года, одна из гранат попала в домик командира 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Пройдя через спальню, кабинет, со стоявшим там полковым знаменем, развалила печь и, пронизав противоположную стену, разорвалась около полкового денежного ящика, стоявшего у парадного крыльца... Осыпанный снегом и землей, окутанный дымом от разорвавшегося снаряда и, видя сноп пламени, часового у ящика громко крикнул: “Разводящего к знамени”...

Зная тотчас же вынесла супруга командира полка, полковника Жукова, вместе с вестовым.

Воспоминания *Ф. Китаева*

“Ист. Вест.” 1904 г.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА

— Во время Русской-Японской войны, 30 июля 1904 г. родился Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Его воспитателями, по Высочайшему повелению, было приказано записать всех чинов Действующей Армии и Флота. Повеление это было объявлено во всех частях, после чего от каждого офицера было удержано по две копейки из жалования, на золотой крестик и ленточку для Августейшего Крестника. После окончания войны, полковые адъютанты и один из фельдфебелей каждой части были командированы в Петербург, чтобы собственноручно надеть этот крест на своего крестника.

— В русской кавалерии, драгунские полки сидели на рыжих конях, уланские на гнедых, гусарские — четные на серых, а нечетные — на вороных, за исключением 13-го гусарского Ахтырского полка, который сидел — на буланых. В гусарских полках, трубачи имели серых коней. Кроме того, трубачи имели на киверах — красные султаны.

— Пять гусарских полков Российской конницы имели ментики: лейб-гвардии Гусарский, лейб-гвардии Гродненский гусарский, 2 лейб-гусарский Павлоградский, 3 гусарский Елизаветградский и 11 гусарский Изюмский. Кроме того, ментики имел эскадрон Офицерской Кавалерийской Школы. Генералы, имевшие право на ношение гусарской формы, все без исключения, носили ментики и особое генеральское шитье на рукавах доломана и на чакчирах.

— Русские войска в свое время брали следующие

столицы: Амстердам — 23 ноября 1813 г., Брюссель — 27 ноября 1813 г., Париж — дважды 19 марта 1814 и 27 июля 1815 г., Берлин — 28 сентября 1760 г. и 20 февраля 1813 г., Рим был взят с боя 10 сентября 1799 г., десантным отрядом с эскадры адмирала Ушакова, Пекин — войсками генерала Линевица — 1 августа 1900 г., Тегеран, войсками генерала Баратова в октябре 1915 г., Гельсингфорс был взят русскими войсками в 1718, 1742 и 1808 гг., Ревель в 1707, Рига — в 1710, Ковно в 1812 и 1831, Варшава в 1778. Кроме того, совместно с другими своими союзниками, русские войска побывали в Копенгагене, Вене, Стокгольме и Лиссабоне.

— В 13 гусарском Нарвском полку долгое время существовала традиция, заведенная, много лет командовавшим полком и очень любимым, командиром бароном Стемпель, умершим, впоследствии, в больших чинах, членом Военного Совета. Традиция эта заключалась в том, что молодые офицеры не имели права жениться до чина ротмистра. Основанием было то, что женатый молодой офицер будет больше думать о молодой жене, нежели о службе, что совершенно справедливо. Одновременно, носить николаевские шинели в полку разрешалось тоже, начиная с чина ротмистра.

— В царствование Императора Александра II, в состязании на Императорский приз за стрельбу, лучший стрелок гвардии, штабс-капитан Арбузов выбил пулями из пистолета, на мишени, Императорский вензель. Присутствовавший на состязании Император, приказал позвать к себе Арбузова и сказал ему: “Ты выбил на мишени мой вензель, а я вышиваю его у тебя на погонах”, чем назначил Арбузова флигель-адъютантом.

— В Петербурге, согласно устава Петра Великого, на коменданте Петропавловской крепости лежала обязанность ежегодно “открывать навигацию”, для чего, как только на Неве кончался последний ледоход, комендант, на своем катере, переплывал реку от крепости к Зимнему Дворцу, при пушечной пальбе с верков Петропавловской крепости.

С тех же верков, ежедневно, ровно в полдень, стреляла пушка, чтобы, как говорили старые петербуржцы, “население знало, что наступает адмиральский час, когда надо проверить часы и пить водку с соленой закуской”. Сообщил *Анатолий Марков*

Скорбный листок

За последние месяцы скончались кадеты:

Попов, Борис Сергеевич — 2-го кадетского к.
Рождественский, Владимир Серг. — Орловского к. к.
Бобарыков, Николай Иванович — Морского к. к.
Ланкав, Павел Константинович — Одесского к. к.
Миних, Владимир Сергеевич — 1-го Московск. к. к.
Дмитриев, Николай Аполлонович — Первого к. к.

Г брызги

№ 8, Сказ о витязе Синге).

ПОРУЧИКЕ СИНГЕ.

(Из "Гусарских преданий").
Посвящаю моему кузену Н. М.

... был. В безымянном пехотном полку.
... нашим гусарским тягаться им было не
... силу.

... пригласили на ужин и, в пунш примешав
... коньяку,
... положили под стол, как в могилу...

... да не Синга. Поручик упрямо сидел,
... й утес на краю алкогольного моря. —
... ему наливали, тем он меньше, казалось,
... хмелел,
... а стаканом плушил не спеша, не ловчась
... и не споря.

... теством горя, мы военный созвали совет
... полковую дрожь, наш аптекарь проворный
... и зоркий,
... смертельное пойло, алхимиков древних
... секрет,

... некого, водки, вина и касторки.

... овник бесстрашно наполнил две чаши Боль-
... шого Орла

... них, Сингу подав, сам другую пригубил...
... и разом

... ми меж пыли и окурков, под сень полкового
... стола. —

... чашу свою осушил, не моргнувши и глазом.
... чик пехотный, живи! Но, коль печень тебя по-
... бедит

... клерозе таится погибель твоя, ты погибнешь —
... не даром.

... ж юнкером снова судьба к нам на землю тебя
... воплотит,

... закахни в пехотных рядах — будь меж нами
... гусаром.
... С. Л.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Двум читателям. — 1) Разница погон Чугуевского
и Казанского училищ заключается в выпушке. При
красном погоне — Чугуевское имело белую выпушку,
а Казанское — синюю. 2) Старый погон Чугуевского
училища (до 1911 г.) — синий с красной выпушкой
и трафаретом "Ч. Ю."

— Рота Дворцовых Гренадер основана Импера-
ром Николаем I в 1827 году. Один взвод этой роты
караульную службу у памятников в Кремле.

З. Т. С. — По Милютинской реформе 1863 года
... оставлено только два корпуса: Финляндский и
... ажеский. Остальные преобразованы: 12 в военные
... гимназии и три в военные училища.

Скорбный листок

За последние месяцы скончались кадеты:

Реносович, Велимир Петрович, Киевского кад. к.

Лютый, Николай Ильич, Сумского кад. к.

Дубяло, Георгий Александрович. I-го Моск. кад. к.

Кондзеровский, Федор Константинович, Первого
кад. к.

Грузинцев, Сергей Васильевич, Нижегородского
кад. к.

Мураховский, Михаил Николаевич, Полтавского
кад. к.

Челищев, Борис Сергеевич, 3-го Моск. кад. к.

Решиков, Антонин Иванович, Киевского кад. к.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 59, avenue
de Ternes, Paris (17°); у А. П. Руссаковича
25, rue de Vanves, Boulogne s/S.,
и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue
de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tot-
tenham street, W 1.

Мюнхен — у А. Н. Михель — Ramsauer
Platz 9, München 25.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard
de Flandre Megrine.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue
Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa
Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69,
Main-street, Nyack (N.Y.).

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении
у Г. А. Куторги — 1538, Steiner, San-
Francisco.

Канада — у А. С. Орлова — 47, Saint Patrik
street, Toronto (Ont.).

Австралия — а) у В. А. Петрушевского —
Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove,
Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Косса —
20, Devenport T-ce Wayville, Adelaide
South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel
a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

Издательство имени Чехова

Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc. New-York, 1

КНИГИ ИЗВЕСТНЫХ АМЕРИКАНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ
В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ:

ФРЕДЕРИК ЛЮИС АЛЛЕН. — Большие перемены. 364 стр.
Книга Фредерика Люиса Аллена представляет собой яркий и живой анализ тех перемен, которые произошли в американской жизни за последние пятьдесят лет.

СТИВЕН КРЕЙН. — Алый шеврон мужества. 219 стр.
Эпизоды из гражданской войны в Соединенных Штатах составляют фабулу произведения. "Алый шеврон мужества" — психологическая повесть, показывающая, как молодой новобранец, пошедший на войну добровольцем, превращается в зрелого и мужественного человека.

АРНОЛЬД Д. МАРГОЛИН. — Основы государственного устройства С.Ш.А. 157 стр.
Цель этой книги — ознакомить читателя с основами гражданской и политической структуры Соединенных Штатов. Первая часть книги содержит краткое изложение главных исторических событий, приведших к созданию того политического порядка, который существует сейчас в Соединенных Штатах. Во вторую часть книги включен русский перевод текста Декларации Независимости, статей Конфедерации, Конституции, Геттисбургской речи Линкольна и Устава Организации Объединенных Наций.

КОНРАД РИХТЕР. — Дебри. Роман. 264 стр.
В своей книге Рихтер изобразил завоевание первыми колонистами девственных лесов огромных просторов американского континента.

ВИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ. — От войны до войны (1919-1939). Вторая мировая война. Книга I. 418 стр. 2.
Первая книга воспоминаний Черчилля, посвященных Второй мировой войне, охватывает период от Версальского мира до вторжения Гитлера в Польшу.

Эти, как и многие другие интересные книги, самого разнообразного содержания, можно получить в магазинах, торгующих русскими книгами и у русских книготорговцев.

AGENCE

ZEPHIR-VOYAGES

S. A. R. L. au Capital de 60.000 Frs.

Licence d'Agence de Voyages N° 88. R. C. S. 320503 B.
59, Avenue des Ternes, Paris-17°. Tél.: GALvani 46-47.

BILLETS :

Bateaux — Avions — Chemins de fer — Excursion en autocars — Locations de voitures particulières à la journée ou à la semaine.

Billets pour tous Théâtres et Concerts.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, бессонницы и в некоторых случаях повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire M. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16°). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str, Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.